

**ПОКОЛЕНИЕ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ**

К 50-летию Великой Победы.

Ростислав Панов, Михаил
Шиловский, Николай Жданов,
Иван Парфенов

Солдатам и офицерам Великой Отечественной войны, вернувшись и не вернувшись с полей сражений, отдавая им дань памяти и уважения, посвящают авторы эту книгу. Да будут священны в веках их имена! Да будут продлены дни их!

Книга эта особенная, неповторимая, уникальная. В ней запечатлены имена людей дотоле невиданного, неповторимого, героического поколения — поколения Победителей. Это они пол-Европы прошагали, пол-Земли, приближая Победу. Они упорно шагали вперед, оставляя за собой могилы своих дорогих товарищей. Они под шквальный огонь форсировали Неву и Северный Донец, Днепр и Буг, Неман, Вислу и Дунай — до Эльбы. Это от их крови таял лед. Они гнали врага от Москвы, Сталинграда и Ленинграда, освобождали Киев и Одессу, Варшаву, Прагу, Вену, Будапешт и Белград, штурмовали Берлин и водрузили там Знамя Победы.

Как заключительный аккорд героической эпопеи, они сложили к подножию мавзолея на Параде Победы в июне 1945 года сотни знамен и штандартов разбитых ими войсковых частей и соединений врага.

Казалось бы — все! Довольно с вас, победители! Вы много-кратно и навеки прославили имя свое. Бери шинель, возвращайся домой, солдат, пробежись босиком по росе и отдыхай! Но не так было в жизни, в суровой действительности. Враг за годы войны разрушил более 1700 наших городов и около 70000 деревень, уничтожил десятки тысяч заводов, электростанций, шахт и так далее. Обезлюдевшая деревня, без техники, полуоголодная, надрывала силы, вручную обрабатывала землю.

Впрягайся, солдат, чтобы возродить страну, как сказочную птицу, из руин и пепла, будь главной опорой своим старикам, жене и сестрам, своим малым детям, на тебя вся надежда. И победители впрягались, взвалили на себя эту тяжелейшую ношу, которой одной — единственной хватит любому на всю жизнь.

Это вторая половина, долгая и трудная, жизни вернувшихся домой фронтовиков. Коротко о ней рассказать невозможно.

Михаил Шиловский, участник Парада Победы.

РОСТИСЛАВ ПАНОВ

А БЫЛ ОН ЛИШЬ
СОЛДАТ ПРОСТОЙ ...

ГЕРОЙ ЖИВЕТ СРЕДИ НАС

Так и не узнали бы о его боевом пути люди, если бы не дошла до Никольска книга «Подпольный госпиталь», изданная в 1964 году Приокским издательством. Была такая книга и у самого Александра Дмитриевича с дарственной надписью писателей М. Мартынова и А. Эвентова. Она гласит:

«Дорогому Александру Дмитриевичу Гомзикову — одному из героев этой книги».

I

...Над Волховым стлался туман. Где-то в кустах пойменного луга сердито кричал дергач. Пахло сырой травой и горькой ивой,

— Совсем как у нас в Теребаеве, — сказала, прижимаясь к плечу мужа, Василиса. — Не забыл еще Кипшишту?

— Разве можно? Погоди-ка, нынче в отпуск домой съездим.

Но не суждено было сбыться мечте. В 5 часов утра в маленький домик сверхсрочника Гомзикова ворвался тревожный звук сирены. А еще через несколько минут в дверь настойчиво забарабанили. На пороге стоял посыльный:

— Распишитесь, товарищ старшина.

Александр Дмитриевич схватил «тревожный» чемоданчик и обнял Василису:

— Не унывай, может быть, просто учебная тревога.

Василиса отрицательно покачала головой:

— Чует мое сердце обратное. Береги себя, Сашенька.

II

Немало боевых вылетов совершил экипаж. Немало жестоких ударов обрушил на фашистов. За умение, мужество и отвагу Александр Дмитриевич удостоился высокой награды — ордена Красной Звезды.

В этот раз дальний бомбардировщик летел на Курск. Внизу тревожно спала измученная земля. Александр Дмитриевич посмотрел на часы: половина 12. Еще 30 минут — и они выйдут на цель. Самолет поглотила плотная масса густых облаков. Справа и слева засверкали молнии. Но броневой обшивке застучал дождь. Попробовали изменить курс, но гроза не выпускала из своих объятий.

— Полетим на запасную цель, — принял решение командир, старший лейтенант Борис Варламов.

Вот и Орел. Высота — 3 километра. Видимость — ясная. Спокойную черноту неба прорезал прожектор, заскользил, нашупывая. Взметнулся снизу второй мощный луч. И как не старался Борис Варламов, прожекторы взяли самолет в перекрест. За дело принялись зенитки. Разрывы ближе и ближе. И вот случилось непоправимое: бомбардировщик резко тряхнуло, бросило в бок.. Донесся голос Бориса:

— Приказываю прыгать!

Александр Дмитриевич выбросился через пулеметное окошко. В ушах засвистел ветер. Дернуло кольцо парашюта — и почувствовал успокоенность. Но не надолго: с каждой минутой приближалась земля, на которой были враги. Упал на чей-то огород, отстегнула лямки и стал искать пистолет. Нет. Вспомнил: кусок плаща с «ТТ» вырвало краем окошка. Тоскливо сжалось сердце — без оружия вдвойне плохо.

III

...Александр Дмитриевич с усилием приоткрыл веки. Над ним, склонившись, стоял человек в белом халате.

— Знаешь, где находишься?

— В плену.

Человека в белом халате звали Борисом Николаевичем Гусевым. А помещение, где лежал Гомзиков, называлось гражданским госпиталем. История его такова. На Орел наступали фашистские орды. В городе находился окружной военный госпиталь. Случилось так, что госпиталь и раненых не было никакой возможности эвакуировать. С ранеными остались врачи и медсестры.

Гусев снова наклонился над раненым:

— Гестаповцев очень интересует сеть наших полевых аэродромов, уже приходит один спрашивать о тебе. Я сказал, что ты находишься без сознания. Ясно?

— Да.

Гомзикова отгородили простыней.

Гестаповец вновь появился через несколько дней:

— Ну как?

— Без сознания и вряд ли выживет, — сказал Гусев.

Минуло еще два дня. На этот раз гестаповец прошел прямо за ширму. Сдернул с Гомзикова простыню, внимательно окинул его взглядом.

— Эй, ты, можешь говорить?

На лице Александра Дмитриевича не дрогнул ни один мускул. Он молчал.

Переводчик ретировался и больше не появлялся. Он знал, что русская больница не имеет никаких эффективных средств борьбы за человеческую жизнь, а в чудеса русских хирургов он не верил.

Но Гомзиков выжил. Лишь ходить пока не мог. Присматривался к товарищам. Вологодский окающий говорок часто звучал в палате. То бывальшину охотничью расскажет, то загадки начнет загадывать. Глядишь — и повеселеют кругом. И уж совсем радостью засветятся лица, когда, бывало, скажет:

— По секрету, братцы, — наши близко...

* * *

Орел заняли части Советской Армии. Радостной, волнующей была встреча. Александра Дмитриевича отправили долечиваться в Тулу. Через некоторое время он попросился на фронт, и лишь в апреле 1945 года по состоянию здоровья демобилизовался.

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ ОН ЗАЩИЩАЛ

І

Над головой плыли и плыли на восток белые пушистые облака. Они были похожи на большие бесформенные льдины, разломанные во время ледохода. В разрыве прорывалось солнце. Его лучи скользили по изумрудным зеленям. Словно натертые кирпичом, вспыхивали от прозрачного света медные бока лесов и перелесков.

Лошади шли ходко. Тарантас резво подпрыгивал на ухабах полевой дороги, отчаянно звенели под дугой колокольчики, разевались разноцветные ленты. Нела гармонь под девичьи грустные частушки. Павла Уторова и его дружков Ивана Уторова, Володю Шехурина и Николая Рыжкова провожали на действительную.

ІІ

Новоприбывших встретил суровый усатый старшина сверхсрочник. Оглянув неуклюжий строй парней, еще более нахмурился и властно сказал: «А ну-ка, разберитесь по росту, да поживее». И уж потом повел в баню.

Строевая, огневая подготовка сменяли друг друга. Трудновато пришлось поначалу, но постепенно Павел стал привыкать к армейской службе. После окончания курса молодого бойца направили его в минометный взвод. Новое оружие освоил быст-

ро. За сметку, сообразительность, настойчивость полюбили молодого солдата командиры и товарищи. А когда хорошо служится, то и дни летят быстро. Оставалось немного времени, и он смог бы опять увидеть родной дом, семью и опять бы трудился в родном колхозе «Северный партизан», если бы... не случилась война.

Над степью надрывно взвыла сирена. Вмиг опустела казарма. Павел занял свое место в строю. Короткой быта речь политрука: «Фашистская Германия вероломно напала на нас, пограничные части ведут бои... Выступаем в поход...».

III

Исчудал Павел за эти дни скитаний по болотам и полям. Глаза ввалились, сверкали лихорадочным сухим блеском. Бои шли день и ночь и стлились как бы в один день — непрерывный, упорный, изматывающий. Люди дрались за каждую пядь родной земли, но отступали. И Павел рвал позади отступающих мосты, минировал большаки. Так продолжалось все лето и осень.

* * *

На голубые, холодные снега опустилась ночь. Еще злее затрещал в уцелевшем леске мороз. Над передним краем всплески ракет. Иногда для острастки, на всякий случай, ударит немецкий пулемет. И опять тишина. Тревожная, неясная.

— Павел, тебя вызывает командир батальона, — сказал старшина. — Собирайся. Вместе с тобой пойдет Анатолий Ковалев.

Комбат поднял усталое лицо и посмотрел на бойцов.

— Сделайте проходы в проволочном заграждении. Все. Действуйте.

Саперы выполнили приказ и на обратном пути выявили несколько огневых точек врага. Грудь Павла украсила медаль «За отвагу».

IV

Командир дивизии Байдак ставил очередную задачу комбату саперов: «Подбери людей толковых, смекалистых». Отчертил карандашом на карте: «Вот река, надо сделать промеры, найти место для переправы».

— Пошли Павла Уторова и сержанта Иванова, — сказал комбат.

Байдак одобрительно кивнул.

Саперы вымокли до нитки, пока прощупывали торопливую, незнакомую реку.

— Послушай, — сказал Павел, — давай-ка мы с тобой поднимемся еще вверх, узнаем, где фашист. Думаю, что командование в таких сведениях нуждается.

— Добро, — откликнулся Иванов.

Чуть приметная тропинка в высоком тальнике уткнулась в накатанную дорогу.

— Мост! — сказал Иванов.

— И никого вроде нет, вот что удивительно, — прошептал Павел.

Загадка отгадалась просто. Мост был заминирован фрицами. Издали послышался лязг гусениц. Несколько бронированных машин с крестами на башнях направлялись к мосту.

— Взорвем?

— Дело нехитрое.

... После долго крутили головами, полуоглохшие, полуослепшие, засыпанные изрядным слоем супесчаной земли.

— Три танка и мост в воде, — доложил комбату сержант Иванов.

Павел Уторов получил орден Красной Звезды.

V

Дзот на высоте был в восемь накатов. Несколько раз бросалась в атаку пехота и каждый раз откатывалась назад, оставляя у подножия убитых. Дзот стоял и мешал наступающим. Он был как бельмо на глазу.

Расчистить путь пехоте в числе шести смельчаков вызвался и Павел. Ранним утром химики поставили дымзавесу, и саперы, нагруженные толом, поползли к дзоту. Взорвана одна амбразура, вторая. А третья досталась Уторову.

К наградам прибавился орден Славы II степени.

VI

Всего довелось испытать Павлу Уторову. Не раз глядел он в лицо смерти, чувствовал дыхание ее возле своего сердца. До конца войны еще был награжден тремя орденами, не раз удостаивался благодарностей командования.

* * *

Отгремели бои, мир пришел на многострадальную землю. И только тогда вернулся в родные места сапер Уторов. Жил он в деревне Кумбисер, работал в совхозе «Никольский». Немногие из сельчан знали, что среди них жил герой — гвардии сержант запаса Павел Алексеевич Уторов.

НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ..

«Жизнь прожить — не поле перейти» — гласит народная мудрость. В жизни есть и светлое, и горестное. Но таких испытаний, какие выпали на долю Михаила Васильевича Сверчкова, не пожелаешь никому. И все же он не замкнулся в себе, остался приветливым и доброжелательным к людям. Вероятно, причиной тому все понимающая жена его — Ольга Александровна, да любимая тальянка.

Тальянка — стариная, русская, звонкоголосая, красиво сданныная. Умелые руки мастера сотворили это чудо. А мастер этот — сам Михаил Васильевич.

— Родился я в деревне Лашово. Как говорят и пишут — в крестьянской семье. Играли на тальянке выучился, когда еще в школу ходил. Помнится нора сенокосная. Утром рано собирались у околицы деревни мужики и бабы, молодежь. Рано привыкали к работе и пацаны. У меня женщины забирали грабли и говорили: «А ты, Миша, играй». Так с частушками и шли на сенокос. Весь день трудились не покладая рук. А вечером гденибудь у шалаша оинять заводили частушки, — говорит Михаил Васильевич.

Как-то сломалась у Миши тальянка. Что делать? К мастеру обращаться за помощью — надо пуд муки нести.. Мука ценилась тогда превыше всего. Решил Михаил сам отремонтировать свою тальянку. Немало пришлось посидеть над нею, открывая секреты стариинного мастерства.

Памятен ему 1940-й год. В начале ноября пришла повестка из военкомата: призывали на действительную военную службу. Собрала мать ему на дорогу, всплакнула провожая, чувствуя материнским сердцем долгую разлуку. Так оно и вышло.

Молодого никольчанина привезли в Белоруссию. Стал служить неподалеку от города Минска. Прошел курс молодого бойца, а потом зачислили в учебное подразделение, где готовили шоферов. После «учебки» Михаила направили для дальнейшего прохождения службы в отдельный минометный батальон.

— Сел я за руль автомашины. Возил на учебные стрельбы расчет с полковым минометом. Так было и 22 июня. Только отстрелялись, глядим — на большой высоте идут самолеты. В районе Минска раздались взрывы, в нескольких местах города поднялись кверху густые клубы дыма. В 12 часов дня командиры объявили, что началась война с фашистами, — вспоминает Михаил Васильевич.

Отдельный минометный батальон вел тяжелейшие бои с пре-
восходящим противником. Минометчики часто оставались без
боеприпасов, продовольствия, попадали в окружение, прорыва-
лись к своим. Многие погибли, были ранены, контужены.

...Очнулся он в болотистой низинке. В глазах мелькали крас-
ные круги, нестерпимо гудела голова. Руки и ноги не слушались.
Он не мог даже перевалиться на бок. Тело словно парализовало.
Снова потерял сознание. Долго ли лежал — не помнил. Когда боль
немного отпустила — пополз. Выбрался на поле. Вдали сквозь
редкие заросли кустов виднелась деревенька. Михаила Василь-
евича обнаружили женщины этой белорусской деревеньки. Подня-
ли и понесли на себе до ближайшей хаты. Сняли с него военную
форму, сапоги. Переодели во все гражданское. В селе, как во-
дится, нашлась старушка — ведунья. Она лечила Михаила Ва-
сильевича целебными отварами из трав. Долго он не поднимал-
ся с постели, но усилия старушки и приютившей его семьи все же
в конце — концов увенчались успехом.

В деревне находились немцы, полицан. Они не раз заходили
в дом, где лежал Сверчков, спрашивали у хозяев, что он за че-
ловек, не солдат ли Красной Армии? Но никто не выдал Михаила
Васильевича. Я спросил у него, не помнит ли он названия этого
села.

— Да, адрес помню. Витебская область, Чашинский район,
Гилянский сельский Совет, деревня Кожары. Находился я в хате
Михаила и Насти Микульских. После войны я пытался связаться
с ними, но из этого ничего не вышло. От сослуживцев — бело-
русов в 1946 году узнал, что немцы сожгли деревню Кожары.

Потом судьба М. В. Сверчкова сложилась так. Ему сделали
костили и он начал заново учиться ходить. Еще бы немного
времени — и можно выбираться к своим. Но немцы неожиданно
сделали облаву. Согнали народ на улицу, построили в колонну
и повели. Михаил Васильевич шел с трудом и его собирались
уже пристрелить. Так бы и получилось, не приди ему на помощь
один человек.

Вместе со многими несчастными Михаила Васильевича привез-
ли в Германию. Попал он в концентрационный лагерь.

— О таких лагерях много писалось, — говорит он. — Люди
гибли десятками тысяч. Вот и я стал быстро «доходить». Начал
худеть. Потом опухли ноги. Вероятно, меня спасло то, что в спеш-
ке перед погрузкой в вагоны для ровного счета взяли и меня
и вместе с другими направили на шахты. Здесь, хоть и худо, но
всё-таки кормили. Словом, выжил.

Вместе с другими военнопленными в апреле 1945 года М. В. Сверчков был освобожден американскими солдатами, а потом передан советской стороне. Ни для кого уже теперь не тайна, что бывшим советским военнопленным пришлось проходить строгую проверку. Проходил такую проверку и Михаил Васильевич. Потом он снова попал в ту часть, в которой служил. В 1946 году его демобилизовали.

После войны он 29 лет трудился начальником караула в пожарной охране.

ЗАЩИЩАЛ КАВКАЗ

Николай Семенович Бушманов после окончания педагогического училища в 1941 году решил поступить в военное медицинское училище. С этой целью он приехал в город на Неве. Благополучно сдал экзамены и был зачислен на первый курс. Перед самой войной получил отпуск. С Шарыи он добрался до Козловки и здесь увидел приказ военного комиссара, где сообщалось о начале войны с фашистской Германией. Об отпуске пришлось забыть. Н. С. Бушманов тронулся в путь, в обратный.

Училище он закончил досрочно, получил первое офицерское звание и совсем еще молоденьkim направился на фронт. Он вспоминает: «В начале июля 1942 года наша группа в количестве 25 человек была направлена на Юго-Западный фронт. Пока добирались, немцы перешли в наступление. Советские войска несли тяжелые потери, сдали Ростов. Вот тогда и появился знаменитый грозный приказ: «Ни шагу назад!». Вражеские самолеты обрушились на переправы через Дон. В сутолоке мы с трудом нашли какой-то штаб. Меня направили в медсанбат 2 гвардейской дивизии (после знаменитая гвардейская Таманская дивизия»).

Начались фронтовые горячие дни. Николаю Семеновичу довелось воевать в предгорьях Кавказа. Почти семь месяцев он не уходил с передовой. Вместе со своей частью попал в окружение, прорывался к своим. Всего довелось испытать: нехватку медикаментов, пищи, самого необходимого, что нужно солдату.

В 1943 году наши наступали. Под Краснодаром Н. С. Бушманова ранило в ногу. Попал в госпиталь. После госпиталя снова фронт. Попал на Таманский полуостров. Дзоты, минные поля.

— От моей роты после тяжелейших боев совсем мало осталось в живых. И меня ранило в голову. Был военфельдшером, потом стал командиром пехотного взвода. Был представлен к награждению орденом Красной Звезды, — рассказывает Николай Семенович.

После третьего ранения Н. С. Бушманова направили охранять Крестовый перевал Военно-Грузинской дороги, по которой шли беспрерывным потоком машины с боеприпасами и продуктами, направляемые союзниками через Иран.

Демобилизовался Н. С. Бушманов в 1946 году. До самой пенсии трудился в различных отраслях народного хозяйства.

ОХРАНЯЛ КАРАВАН СОЮЗНИКОВ

С большой теплотой и грустью вспоминает о своей деревеньке, где родился, рос и приучался с малых лет к нелегкому крестьянскому труду Василий Алексеевич Шемякин. Родом он из Кичм.-Городецкого района, из деревни Большой Двор.

Много было детей в крестьянском роду Шемякиных, но не все выжили, да и не могли все выжить по тем временам. Отец и мать не знали покоя — избывая одну заботу, как другая приваливала.

— У каждого крестьянина были свои наделы. Помню, еще до свету мать будит: «Вставай, сынок. Молотить сегодня будем, так мякину тебе придется домойносить». Тогда ничего не пропадало. Мякину запаривали коровам, а куколь давали поросятам. Зимами я ходил в начальную школу, а потом с весны и до осени помогал родителям. Когда в деревне образовался колхоз, я уже в 12 лет ходил в поле за сохой. Работал наравне со взрослыми мужиками, — рассказывает Василий Алексеевич.

Родители у него были неграмотные, однако понимали, что сыну надо дать образование. После окончания начальной школы Василий пешком ходил за наукой в Шестаково — в лаптях, да и то их берег, по теплу шагал босиком. Окончил семь классов. Осталось позади ученье в 8, 9 классах. А вот десятый Василий закончить не успел — пришла повестка из военкомата.

Осенью 1940 года Василия Шемякина призвали на действительную службу в ряды рабоче-крестьянской Красной Армии. Попал он на Север. В учебном отряде прошел строевую и огневую подготовку, получил специальность, а потом был зачислен в экипаж сторожевого эсминца «Грозный», который охранял наши границы на Севере.

— Был я старшиной — электриком. В море нас и застало известие о начале войны с Германией. И в мирное время службу на эсминце не назовешь легкой. А в боевых условиях стало еще труднее. Часто налетали вражеские штурмовики. Перед нами поставили новую боевую задачу — встречать и охранять караваны судов союзников, которые везли нам танки, самолеты,

боеприпасы, продовольствие. Мы выходили из базы и шли аж до Шпицбергена. И в шторм, и в тихую погоду. Потом соединялись с союзниками и брали их под охрану. Нередко на море случались трагедии. Иногда тому виной была вражеская сумбарина, или бомба. Поднимали на борт уцелевших и опять в путь, — вспоминает Василий Алексеевич.

Фашистская авиация свирепствовала не только над просторами Баренцева моря и Атлантики, она часто совершала налеты на Мурманск, боевые порядки сухопутных частей на Кольском полуострове. С целью укрепления противовоздушной обороны в июне 1942 года сформировался отдельный прожекторный батальон. Сюда впоследствии попал и Василий Алексеевич. В короткий срок освоил отечественную технику, а потом канадское радиолокаторное оборудование.

До сих пор В. А. Шемякину помнится долина смерти, а теперь долина Славы, где шли ожесточенные бои. Враг рвался к Мурманску, та и другая стороны несли огромные потери.

Помнится Василию Алексеевичу не только Западная Лица, но и озеро Арна.

— Мы засветили вражеский самолет. Зенитчики его подбили. Мы видели, как самолет загорелся, как выпрыгнул из него с парашютом пилот. Я получил приказ захватить его живым. Взял с собой двух бойцов, да, чуть не забыл. Маленьким щенком к нам на позицию попала овчарка. Выросла. Различала по звуку свои и чужие самолеты. Если летит свой, она поведет носом и молчит. Если летит фашист, сразу поднимает тревогу. Я взял с собой и овчарку. Вышли на озеро. Один боец зашагал вправо, другой влево, я двинулся посередине. Не заметил, как провалился в воду. Фашист меня увидел и открыл огонь. Ранил чуть ниже колена. Я сумел отцепить овчарку с поводка и благодаря ей остался жив. Она устремилась на вражеского пилота и опрокинула его на лед. Тем временем подбежали товарищи. Скрутили его. Перевязали мне рану. Пойманный пилот, как потом выяснилось, был в чине капитана, много знал. Командование наградило ребят орденами, а мне были вручены именные часы.

Демобилизовался В. А. Шемякин в августе 1946 года. Вернулся в свою родную деревню Большой Двор. Мать в 1942 году умерла, брат Николай погиб в Ростове-на-Дону. Отец был жив. Работал зимой конюхом, а летом пас коров. Жил он с дочерью Александрой. Трудно приходилось людям в послевоенной деревне. Намеревался Василий Алексеевич остаться в родном доме, но получилось иначе. Отправился в Кич-Городок в военкомат,

чтобы встать на воинский учет, и уже не пришлось вернуться к отцу. Василий Алексеевич вызвал к себе первый секретарь райкома партии и предложил ему, как коммунисту, возглавить коллектив вальцовой мельницы. Бывший фронтовик ответил, что уж если в нем нужда, то он согласен на любую работу, но только не директором. И пояснил свой отказ так: «Лучше уж расти снизу, нежели наоборот».

Стал Василий Алексеевич обыкновенным участковым инспектором ЦСУ.

После курсов в Ярославле В. А. Шемякина направили на работу в ЦСУ в Никольск районным инспектором. И в этой должности трудился до июля 1962 года. А затем работал в леспромхозе завхозом, а потом до выхода на пенсию возглавлял здесь же отдел кадров. Вся его трудовая книжка исписана одними благодарностями.

А БЫЛ ОН ЛИШЬ СОЛДАТ ПРОСТОЙ...

— Недавно Семен Никонорович Лешуков отпраздновал свой день рождения. Восемьдесят лет осталось за плечами. Всякое было в жизни. Как говорят остряки: «шла она полосами». То есть, иногда текла спокойно, без всяких тревог и волнений. А то вдруг обрушивались невзгоды. Такие, что и описать трудно.

Когда за стенкой его коммунального дома, стоящего на берегу реки Юг, начинает биться ветер, слепя снежными зарядами окна, обрывается у ветерана беспокойный сон. И долго он лежит с открытыми глазами, вслушиваясь в шум вьюги. И невольно память тревожат прожитые годы.

...Есть такая деревня Носково, что разбросала свои дома неподалеку от реки Юг. Рядом, как родные сестры, расположились деревни Гора, Селиваново. До войны они были многолюдные, работящие, песенные и веселые по праздникам. В Носкове, как раз за год до начала первой мировой войны, у Екатерины Никоноровны родился очередной сын, которого назвали Семеном. А всего у Екатерины Никоноровны и Никонора Евграфовича росло пять сыновей и дочка. Как и соседи, семья кормилась от земли.

Справное было хозяйство. Лешуковы держали 6 коров, 2 лошади и другую живность. Имели две избы, скотный двор с извозом, амбар, овин.

В 1931 году в деревне образовался колхоз «Революция». Все обобществили, всех уравняли, — и добрых хозяев — тружеников, и тех, кто предпочитал в пору полевых работ отлеживаться на печке. Хорошо, что никого не раскулачили.

Коллективизация одновременно шла с индустриализацией. Чтобы строить заводы и фабрики, осваивать добычу полезных ископаемых требовалась стране валюта. Основным источником ее поступления в то время являлся лес. В связи с этим на деревню легли немалые тяготы.

— Деревенские дети рано привыкали к работе. Так и я. Когда минуло лет десять, уже помогал родителям в поле, на сенокосе. А когда стал чуток постарше, послали меня с группой молодежи в лес. Отец, бывало, положит в заплечную котомку хлеб, соль, сало. Поостережет напоследок, чтобы деревом не зашибло. Жили мы в промерзлых бараках. Нитались продуктами, привезенными из дома. Платили нам гроши, — рассказывает Семен Никонорович.

По несколько месяцев в лесу жила молодежь. Днем юноши валили ручной пилой лес, возили бревна к сплавным речкам. А вечером вместо отдыха им полагалось проходить военную науку. Под руководством инструктора они изучали устройство винтовки, ручной гранаты, занимались строевой подготовкой. Сдавали зачеты на значок ГТО.

В 1935 году принесли Семену повестку из военкомата. Как водится, сварили родители некруту пиво.

— Да, — сказал Семен Никонорович, — довелось в эту пору немножко и погулять. И пива с друзьями-призывниками попил. И на беседки ходил. И вот, что еще хочу заметить. Служить в армии раньше считалось честью. Того, кого оставляли по какой-либо причине дома, стороной обходили девки.

По железной дороге от Шары привезли Семена Никоноровича в город Ленинград. Около Витебского вокзала есть улица Рузовская. В старинных семеновских казармах располагался 402-й Туркестанский пехотный полк. Новобранцев выстроили на плацу, приглядываясь, кого куда определить.

— Лешуков, — послышался голос командира. — Два шага вперед. Отправляйтесь в хозяйственную часть.

Приказы в армии не обсуждаются. И взял молодой солдат в руки поварскую книгу, учился у опытных наставников варить борщи и каши. И поднаторел в этом деле. Когда пришел срок демобилизоваться, вызвали в штаб полка и предложили остаться на сверхсрочную.

— Поначалу не соглашался. Говорил командирам, что отец и мать у меня старенькие, нуждаются в моей помощи. На мой довод последовал ответ: «Родителям выделим материальную помощь». Так я и остался еще служить в армии.

Когда полк перебазировался на Украину, в город Винницу, Семен Никонорович уже носил на петлицах знаки отличия помощника командира взвода.

— О той далекой поре всегда вспоминаю с теплотой. Армия всерьез учила военному делу, расширяла кругозор. Одевала, кормила. Давала возможность раскрыть свои таланты, — говорит Семен Никонорович.

Вышел срок контракта, и он решил вернуться в деревню. Но побывал дома всего один год. Опять парочкой привез повестку из военкомата. Вновь потребовался армии Семен Никонорович.

— Попал во вновь формирующуюся часть. Меня почему-то назначили командиром санитарного взвода. Пришлось знакомиться с медициной. Учиться делать перевязки, эвакуировать условно раненых в медсанбат. Заниматься всякими хозяйственными вопросами. Потом нашу часть перебросили в Карелию, на Петрозаводское направление.

Началась война с финнами. Они лучше знали местность, умело маскировались, отлично ходили на лыжах. Прекрасно были вооружены. При переходе границы, уже на финской территории наши солдаты нарывались на минное поле. Многие погибли, другие превратились в калек. Вот тогда я понял, что такое война.

Стояли жуткие холода¹. Санитарному взводу приходилось обслуживать не только раненых, но и обмороженных. Людские потери росли и росли. А тут еще вдбавок часть, в которой находится Семен Никонорович, попала в окружение.

— Долго не могли вырваться к своим. Экономили каждый патрон. Съели всех лошадей. Иногда на несколько дней выдавали два-три сухаря. Такие мытарства длились аж до весны. После окончания войны не все дождались своих сыновей, жены — мужей, невесты — женихов. Семену Никоноровичу повезло. По приезду домой он женился, перебрался в город, где устроился на работу в пожарную часть. Только начал привыкать к мирной жизни, как опять случилась война. На этот раз с гитлеровской Германией.

Опять солдат собрался в дорогу. На этот раз его часть находилась в Вологде.

— А немцы уже в это время подходили к Тихвину, — вспоминает Семен Никонорович. — Существовала вероятность, что они двинутся в сторону Вологды. И к такому повороту дела готовились. До тех пор, пока существовала такая опасность, моя часть оставалась в областном центре. А потом я попал на Ленинградский фронт, как раз в район Тихвина. И волею судьбы стал pontонёром.

Представьте, дорогие читатели, такую картину. В воде рвутся бомбы и снаряды. А солдаты-понтонеры в этом кромешном аду налаживают переправу. Убит сосед, другой. А ты не имеешь права укрыться. До тех пор, пока не закончишь работу.

Понтонный батальон, в котором находился С. Н. Лешуков, готовил переправу через Волхов, строил мосты на Псковщине, в Прибалтике. На реках Эльба и Шпрее, что в Германии.

Батальон, а с ним и Семен Никонорович, дошел до Берлина. После окончания войны он побывал в Чехословакии, Австрии и демобилизовался в звании старшины из Венгрии. Он обладатель многих солдатских наград, таких, как медаль «За отвагу».

Из семьи С. Н. Лешукова воевал под Ленинградом старший брат Павел. Вернулся с фронта искалеченным. Другой брат, Василий, погиб под Москвой. А вот у жены Семена Никоноровича, Анастасии Петровны, пали в жестоких боях четыре брата — Иван, Андрей, Николай, Василий.

Сколько их — русских солдат — спят вечным сном — не счесть. Они воевали за нас. И грех о них забывать.

ДОШЕЛ ДО БЕРЛИНА

Апрельским солнечным утром шагал я по улице Полевой, разыскивая дом И. А. Пашинского. И вот на уголке дома вижу цифру 12. Здесь и живет Иван Александрович со своей супругой Юлией Алексеевной. Сын имеет квартиру, дочери тоже. Но по давней привычке рано встают супруги. И каждый находит себе дело. А конец апреля выдался холодным, а у Ивана Александровича в огороде огуречная тепличка. Ну как не забеспокоиться? В четыре утра пришлось в ней подтачивать печку. Не за горами и времена, когда начнутся хлопоты по огороду. Надо будет садить картошку, лук, чеснок, помидоры.

Любит Иван Александрович эту хлопотливую пору, это время когда приходится обихаживать, пусть и небольшой клочок земли. Что не говори, а ведь он настоящего крестьянского рода.

— Я ведь помню, как еще жили мы единоличным хозяйством. Семья наша была из шести человек. Имелась своя пашня, сено-кос. Все это выделялось по решению сельского схода, и в зависимости от того, как прибавлялась семья, то есть по числу едоков. Сход обычно собирался через 5—6 лет. В 10 лет я уже боронил, потом научился пахать. Сенокосничал. Потом наступила пора коллективизации. В колхоз мои односельчане вступали трудно. По целым ночам шли собрания. Вступили в колхоз и мы. Потом с отцом и сестрой поехали в Архангельск на сезонные работы. Отец устроился сапожником, а меня взяли к нему учеником. И хотя это был 1934 год, поскольку мне не было 16 лет, трудился я в сапожной не более 4 часов — блюли законодательство. До осени прожили в Архангельске, домой отправились уже на последнем пароходе.

По приезду домой Иван Александрович опять с родителями трудится в колхозе, а перед призывом на действительную службу становится организатором сапожной артели в своей деревне.

Подоспел 1940 год. Принесли повестку из военкомата. И вместе с другими одногодками И. А. Пашинский отправляется служить в Красную Армию.

— В сентябре родные провожали меня в армию, — рассказывает Иван Александрович. — Попал я в город Балашов, в авиашколу, где готовили младших авиационных специалистов. Слушали курс теории, занимались у самолетов практически. В Балашове меня и застало известие о начале Великой Отечественной войны. Фашистские войска, несмотря на ожесточенное сопротивление наших частей, быстро продвигались вперед, захватывая огромные территории. Я попросился на фронт, и вскоре меня направили в маршевую роту. Так попал в формирующуюся 340 стрелковую дивизию, был зачислен в отдельную зенитную батарею. Материальной части не было, изучали ее по учебникам. Когда получили зенитные пушки, снаряды и все остальное, нас погрузили в эшелон и направили под Москву, — вспоминает Иван Александрович.

Фашисты находились совсем близко от столицы. Здесь и получил свое боевое крещение И. А. Пашинский.

— Поначалу, конечно, было тяжело. У противника превосходство в воздухе. А у нас самолетов мало. Находишься на огневой позиции и думаешь, что каждая бомба летит в тебя. Зенитчики отражали не только вражеские налеты, но иногда приходилось прикрывать и пехоту. Всякое случалось.

Неописуемо страшной была битва на Курской дуге. Обе стороны задолго до ее начала сконцентрировали огромные массы войск, тысячи танков, орудий и самолетов. Гитлеровское Верховное командование летом 1943 года стремилось взять реванш за Сталинград. Прорвать нашу оборону, окружить наши войска в районе Курска и Белгорода, уничтожить их и выйти на оперативный простор.

Наше командование заранее узнало о планах вражеской стороны и создало глубоко эшелонированную оборону. В тылу наших оборонявшихся частей стоял Степной фронт под командованием Маршала Конева.

— Долгое затишье на фронте рухнуло в одну минуту. И хотя мы нанесли упреждающий артиллерийский удар по всему фронту, силы врага остались еще достаточно велики. Враг начал наступление. Осколки от мин, снарядов падали на наши позиции как град. Над головами, волна за волной, потянулись фашистские бомбардировщики. Казалось, ничто живое не выдержит этого ада. Но мы выдержали, отразили наступление противника и сами перешли в контрнаступление, — рассказывает Иван Александрович.

Далее боевой путь И. А. Пашинского вместе со своим, теперь уже армейским зенитно-артиллерийским полком, пролег к границам оккупированной Польши. Наши части вышли к Висле. В Польше Иван Александрович был удостоен высокой правительственной награды. Ему вручили медаль «За отвагу». Часть И. А. Пашинского прикрывала переправу через Вислу. И здесь зенитчик во время жестоких вражеских налетов проявил бесстрашие, хладнокровие, сделал все возможное, чтобы дивизии нанес наибольший ущерб врагу. На переправе он потерял много боевых друзей и сам чудом остался в живых.

Дрался И. А. Пашинский за освобождение Варшавы. Получил благодарность Верховного Главнокомандующего за овладение городом — крепостью Шнайдемюль, участвовал в боях за Берлин. Здесь вместе со своей частью и встретил День Победы.

Демобилизовался Иван Александрович 10 мая 1946 года. Приехал к себе на родину в Куриловский сельсовет, Кич.-Городецкого района. Отца уже не было в живых. В деревне его встретили мать и сестры. Брат Федор, ранее демобилизовавшийся фронтовик, жил с семьей в деревне Осиново Никольского района. К нему-то в гости и решил съездить Иван Александрович. Погостили, а потом с братом отправился в город, где быстро подыскал для себя работу. И дальнейшая его жизнь накрепко связана с Никольском.

ХУДОЖНИК И ВОИН

Дом Анатолия Щепелина заметен издали. Идешь по улице — и все какое-то однообразие. И вдруг — вот он, красиво обшитый вагонкой, покрашенный, аккуратный, с резьбой. Сразу приходит в голову мысль, что живет в этом доме человек незаурядный, так или иначе причастный к искусству.

Увлекается А. Д. Щепелин не только рисованием, но и скульптурой, чеканкой. Но мне думается, главное влечение Анатолия Дмитриевича — живопись. Много чудесных пейзажей у художника. Большинство их посвящено родной северной природе, нашему городу. Вот изображен Яшинский домик на Бобришном Угоре. Какая-то пронзительная печаль проглядывает в каждом мазке.

У Анатолия Дмитриевича много городских пейзажей. Рисунок, датированный 1949 годом, — «Сретенский собор» с еще сохранившимися куполами.

Невозможно перечислить все картины нашего земляка. Их много. И чтобы с ними познакомились никольчане, следует, на мой взгляд, организовать выставку.

Как же Анатолий Дмитриевич пришел к святому источнику — искусству? Родился он в деревне Усть-Сямжепец Кич.-Городецкого района. Рисовать начал, будучи учеником начальной школы. Поступил в исполнительную среднюю школу. Здесь на него большое влияние оказал учитель Семашко.

— Он преподавал нам черчение и рисование. Очень любил свой предмет. Много рассказывал о знаменитых художниках, умел любить прекрасное. В простых деревенских пейзажах находил изюминку. Мы рисовали не только за партами. С наступлением теплых весенних дней Семашко выводил нас за деревенскую оконицу и усаживал за мольберты. Умел рисовать с натуры, чувствовать свет, живые краски, — рассказывает Анатолий Дмитриевич.

После окончания школы надо было выбирать дорогу в жизнь. Он едет в Великий Устюг и поступает там в строительный техникум. И хотя это учебное заведение готовило сугубо определенных специалистов, рисованию здесь уделялось большое внимание. Предмет сей вел, как вспоминает Анатолий Дмитриевич, Николай Григорьевич Бекряшов, окончивший еще до революции Петербургскую художественную академию. От него будущий строитель многое взял на заметку.

Получив специальность, А. Д. Щепелин берет направление на работу в Никольск. А в 1939 году по комсомольской путевке уходит в армию. Попадает он на Черноморский флот. В учебном

отряде освоил специальность дальномерщика, и зачисляется в команду эсминца «Свободный». Перед Великой Отечественной войной учится в военно-морском училище.

— Когда мы, курсанты, узнали о начале боевых действий, то решили сразу идти на фронт. Но командование училища решило иначе. Удовлетворило только мою просьбу и просьбу моего товарища. В августе 1941 года зачислили в добровольческий отряд численностью около 700 человек. Командовал им майор Потапов, впоследствии Герой Советского Союза. Об этом матросском отряде писал Леонид Соболев. Он справедливо отметил в своем рассказе, что моряки не хотели расставаться со своей флотской формой. Именно моряков немцы прозвали «черной смертью», — говорит Анатолий Дмитриевич.

На большом транспортном корабле отряд ночью доставили в Одессу. Выгрузили под утро и сразу же пошли в свой первый бой.

В конце августа 1941 года Анатолий Дмитриевич получил ранение. Лежал в госпитале, а потом снова попал к морякам. В январе в ботиночках, в шинелях их направили в Карелию. Опять ранило...

Множество наград у моряка, воевавшего на суше. Больше всех ему, наверное, дорога медаль «За отвагу». За что же он ее получил?

Во время боев в Карелии командование перед наступлением решило провести разведку боем в районе Топъ-озера. На лыжах, по глубокому снегу бойцы двинулись в путь. Так получилось, что перед озером один наш сапер подорвался и тем самым насторожил противника. Засвистели пули, а потом и мины. Решили вернуться назад. А противник уже выслал свою разведку. Подошли и взобрались на елки «кукушки». В бою А. Д. Щепелин и его разведчики взяли четырех пленных.

Минула суровая снежная зима. Пришла весна, а затем и лето. И вот снова А. Д. Щепелину предстояло пойти в разведку. Бойцы незаметно проникли в тыл и для засады облюбовали одно из лесных озер, где часто ловили рыбу вражеские солдаты. Сутки минули, вторые...

— А комары так и вьются над нами тучами. Ни закурить, ни тем более развести костер нельзя. Наконец, видим, от противоположного берега отошла лодка с тремя рыбаками-солдатами. Через какое-то время приблизилась к нам. Когда крикнули, чтобы сдавались, они растерялись. Мы связали их и пошли обратно. На привал остановились на островке посреди болота. Ребята отды-

хали, а я несколько отошел назад с островка, чтобы нас не захватили врасплох. Сырой мокрый четко хранит следы. Смотрю — по ним идут вражеские солдаты — 11 человек. Как пружиной подкинуло из кустов, замахнулся гранатой. «Бросай оружие!», — кричу. Мой крик услышали товарищи, подбежали, захватили еще 11 человек, — вспоминает Анатолий Дмитриевич.

За эту вылазку в тыл он был награжден орденом Славы.

А. Д. Щепелин заканчивал войну на Дальнем Востоке. Здесь воевал в специальном отряде фронтовой разведки. Был награжден орденом Красной Звезды. Окончание боевых действий застало его на Южном Сахалине, где командовал ротой автоматчиков морской пехоты.

В 1947 году демобилизовался. Приехал в Никольск. Началась мирная жизнь. В первое время работал в райфо, но не по душе пришлось взыскивать налоги, заставлять людей подписываться на займы, когда кругом царили бедность и запустение. Предпочел должность директора районного Дома культуры, тем более, что здесь он находил удовлетворение и как художник — стал руководить кружком рисования.

Шли годы. Сейчас Анатолий Дмитриевич на пенсии. Но как только наступают погожие дни, он уходит за город, в полюбившиеся ему места и берется за кисть. Счастливая, хоть и трудная судьба выпала этому человеку.

ЮНОСТЬ ЕГО ПРИШЛАСЬ НА ВОЙНУ

В Никольском районном Доме культуры шло торжественное заседание, посвященное 51-й годовщине Октября. После доклада председательствующий объявил: «А теперь слово предоставляет-
ся райвоенкому». Военком, немного волнуясь, произнес: «Четверть века искала награда героя. И, наконец, нашла. Я имею в виду всем известного нам Парфена Федоровича Корепина. По поручению Президиума Верховного Совета СССР разрешите вручить ему орден Красной Звезды».

Жизнь человеческая. У каждого своя. Свои трудности и удачи. Но главное — была бы не растрата без толку, без цели, повинувшись зову случая. Парфен Федорович не жалуется на свою жизнь. Началась она в девятнадцатом году в глухой деревушке Леунино Аргуновской волости Никольского уезда. Смысленный парнишка рос на радость родителям. Хотя не набрал силенки, но любил помочь по хозяйству. Учился хорошо, проявляя особую склонность к физике и математике. Учитель Н. Г. Юдинцев по-

хваливал: «Молодчина, далеко шагнешь». И помогал юноше из Леунина. После успешного окончания Аргуновской школы крестьянской молодежи вместе с приятелями Георгием Гурьевым и Виталием Смирновым уехал в далекий Мурманск. Здесь Корепин был зачислен в морской техникум. Учился на четвертом курсе, когда принесли повестку из военкомата. Это был 1939 год — год тревожный, в воздухе попахивало гарью войны.

Парфен Федорович вспоминал: «Привезли нас, новобранцев, в воинскую часть. По всем правилам проходили воинскую науку. А через некоторое время меня назначили помощником командира взвода. Потом направили в дивизионную школу».

Гулким, тревожным эхом прокатилось по стране известие о начале Великой Отечественной войны. Курсантов в спешном порядке перебросили в Брянские леса, где они занялись поиском и ликвидацией фашистских десантников. Здесь и принял боевое крещение будущий командир.

Затем военная тропа привела Парфена Федоровича на родную Вологодчину, где формировалась 100-я дивизия. Назначили его политруком в стрелковый полк.

Летом 1942 года ждал Воронежский фронт. Жестокие бои за город. Под взрывами бомб и артиллерийских снарядов от окопа к окопу перебирался политрук. Ободряя бойцов, вселяя уверенность в победу. Политику и самому лично приходилось корректировать огонь по врагу, за что и был представлен командованием к ордену, но награду не успел получить. В боях под Воронежем его тяжело ранило и он был отправлен в один из госпиталей Сибири.

Госпитальные палаты. Врачи и медсестры уделяли ему немало внимания, старались отвлечь от горьких дум. Но неотвязно будоражила мысль: «Куда без ноги? Инвалид». В госпиталь заходили студенты и преподаватели авиационно-технического института. Не обходили они и Парфена Федоровича, приносили ему книги, приглашали на учебу. Как только пошел на поправку, решил: «Попробую быть студентом».

После поступления в институт захотелось побывать дома, куда уже не наведывался более семи лет. Может, кто и не поверит, но это было действительно так. Как только увидел родные поля и перелески, неброские северные деревеньки, Юг — реку, решил: никуда больше не поеду. А тут еще секретарь райкома партии увидел фронтовика, зазвал к себе в кабинет: «Иди-ка к нам в аппарат райкома. Грамотные нам нужны теперь поза-рез, особенно в отдел пропаганды и агитации».

Парфен Федорович с согласием не затянул. Но попутных лошадках, а иногда и на костылях передвигался из колхоза в колхоз, из одного сельсовета в другой. Рассказывал колхозникам о положении на фронтах, международной обстановке. Люди склонно слушали его. А когда кончалось собрание, к нему застенчиво протискивались учительницы: «Зайдите, пожалуйста, в школу. Ребяташки очень просили...».

В 1980 году Парфен Федорович вышел на заслуженный отдых. Но таков уж он человек, что не может усидеть в четырех стенах. Всю жизнь он провел на виду, в общении с людьми. А посему ветеран стал частым гостем у красных следопытов городских средних школ, делился с ребятами воспоминаниями, рассказывал о ратных буднях, о своих товарищах — однополчанах. Военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения он считал одним из важнейших звеньев работы школы. И, как видим, сам принимал в ней активное участие.

Не забудут Парфена Федоровича и в районном совете ветеранов, в военном комиссариате. Его слово всегда было весомым, к советам его прислушивались.

Идут годы, меняются времена, идеологии. Но ветеран сотой Львовской дивизии неизменно верен фронтовому братству своей Родине, России. И это главное.

РЕДЕЮТ ИХ РЯДЫ

Об этой встрече мы условились заранее. Хозяин небольшого уютного домика, что стоит на пересечении двух тихих улочек, гостепримно встретил нас и усадил на диван.

Не часто приходится беседовать с убеленными сединами ветеранами. Иных уже нет, у других много общественных дел, и за этой повседневной занятостью забывают о том, что они в годы Великой Отечественной войны спасли мир от фашистской чумы. И то, что они пережили — должно знать молодое поколение, которое на примере их жизни должно учиться любить и защищать свою Родину.

Валентин Александрович Сорокин родился в деревне Кожаево незадолго до первой русской революции. Рано познал крестьянский труд. В 1926 году его привезли на службу в ряды Красной Армии. Потом он остался на сверхсрочную. Когда на КВЖД возник конфликт, часть, в которой служил помощником командира взвода В. А. Сорокин, подняли по тревоге и в составе десантной группы на бронепоезде отправили к станции Лазо. Перед ними

была поставлена задача охранять железнодорожные мосты и путепроводы. На станции Гродеково красноармейцы уничтожили многочисленную банду. Отличился и молодой никольчанин. Из рук выдающегося советского полководца В. Блюхера он получил значок «Бойцу ОКДВА». В 1936 году В. А. Сорокин был отправлен на учебу, а потом служил в войсках пограничной охраны.

О начале войны Валентин Александрович услышал, находясь в полевом лагере. Он в то время занимал должность начальника отдела в штабе соединения, части которого в начале войны несли охрану железнодорожных магистралей и дорожных сооружений, промышленных объектов, имеющих важное оборонное значение. А когда враг оказался у стен Москвы, части соединения принимали участие в активной обороне столицы.

При отступлении враг оставлял в нашем тылу свою агентуру — националистические банды, диверсантов и шпионов. Они пытались мешать успешному наступлению советских войск, убивали представителей местных властей. С ними приходилось вести решительную и беспощадную войну.

В. А. Сорокин был уволен в запас в 1953 году в звании подполковника. Он награжден орденами Красной Звезды и Красного Знамени, Отечественной войны II степени и многими медалями.

В. М. Подольский уволился в запас тоже в звании подполковника. Родился он в Аксентьеве. Окончил семилетнюю школу. До службы в рядах Красной Армии работал в орсе леспромхоза продавцом, потом на складе райпотребсоюза. Он вспоминает:

— Попал я в пулеметную школу. Учили нас основательно. Мог с завязанными глазами разобрать и собрать пулемет. В звании сержанта направили в кавалерийский дивизион. Стал командиром пулеметного отделения. В 1939 году меня послали на курсы офицеров. Написал письмо домой, что скоро вернусь. А тут началась война с финнами, потом с фашистской Германией. Получил назначение в отдельный разведывательный батальон заместителем командира по хозяйственной части. Во фронтовой обстановке непросто одеть, обуть и вовремя накормить людей. Бомбезки, артобстрелы, недостаток транспортных средств. Нередко приходилось доставлять на передовую продукты и боеприпасы на олених и лошадях.

Василий Михайлович принимал участие в боях на Западной Линии и в Петсамо-Киркинесской операции, за освобождение Польши. День Победы встретил на острове Рюген.

В 1955 году В. М. Подольский окончил высшую интендантскую школу. Он награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Заполярья», «За боевые заслуги» и другими.

Сергей Иванович Воронин по возрасту самый молодой из трех ветеранов.

— 22 июля 1941 года меня призвали в армию, — рассказывает он. — Направили в военно-инженерное училище. Через несколько месяцев присвоили звание младшего лейтенанта. И вот уже фронт. Саперный батальон, в котором я оказался, строил укрепления под Ростовом, потом в районе города Ровеньки.

Наши части с боями отходили на восток. Часть наша оказалась на Северном Кавказе. Когда была разгромлена большая группировка врага под Сталинградом, началось и наше наступление. Саперы наводили мосты через большие и малые реки, делали проходы в минных полях.

Сергею Ивановичу была вручена медаль «За оборону Кавказа».

На станции Тихорецкой их посадили в эшелон и отправили в Москву. Здесь получили пополнение, новую технику. И опять застучали колеса поезда, доставившего саперов под Курск. Предстояли жесточайшие по силе и размаху бои.

— Наше подразделение было придано танковому корпусу. Во время наступления саперы обычно сопровождали танкистов, расчищали от мин дороги, наводили переправы. После Курской битвы двинулись на Киев, форсировали Днепр, потом были Житомир и Ковель, — рассказывает Сергей Иванович.

Восточная Пруссия. Глубоко эшелонированные укрепления, минные поля, надолбы, доты. Здесь особенно пригодились танкистам саперы, которые не только расчищали путь для движения вперед, но и помогали в ремонте машин.

С. И. Воронин на Курской дуге был отмечен медалью «За боевые заслуги», за форсирование Днепра — орденом Красной Звезды, за взятие Варшавы удостоен ордена Отечественной войны II степени, за бои в Восточной Пруссии награжден медалью «За взятие Кенигсберга». Не раз был отмечен благодарностями Верховного Главнокомандующего.

Хотя война и закончилась, но еще долго саперам пришлось идти по ее горячим следам.

— Как известно, в районе Орши шли упорные бои. Враг оставил здесь большие минные поля. И саперам надо было их обезвредить. И наступила для нас долгая и опасная работа, — этими словами закончил свой рассказ ветеран.

* * *

Уходят из жизни фронтовики. Все меньше и меньше насчитываются их ряды. Вот уже нет среди нас В. А. Сорокина, который беззаветно сражался за Отчизну.

ОТ ВОРОНЕЖА ДО ПРАГИ

Прежде чем рассказать о Николае Александровиче Покровском, как о фронтовике, нехудо бы вспомнить о его предвоенной автобиографии.

Под ногами похрустывал только что выпавший снежок, перекатывались тонкие льдинки из вымерзших луж. Дорога шла между крестьянскими польками, заводила в леса и перелески.

Опять западал мягкий пушистый снежок, да так густо, что ничего не разглядишь и в пяти шагах. Николай шел, с тревогой посматривая по сторонам: где-то рядом должна быть деревня Утманово. Вспоминался разговор в РКСМ: «Задание у тебя ответственное — организовать комсомольскую ячейку в Утманове. Верим, что с поручением справишься»..

Я не раз просматривал личный архив Николая Александровича. 1919 год: секретарь Утмановской ячейки, делегат Подосиновской районной конференции комсомола. 1921 год: секретарь Подосиновского райкома, уездный инструктор, активный корреспондент местных газет, селькор газеты «Беднота».

Из песни слова не выкинешь. Это теперь стало модно. Однако, за годы Советской власти было сделано немало. Во время первых пятилеток выросла тяжелая промышленность страны, в результате чего она получила возможность выпускать хорошую боевую технику. Росла энерговооруженность, колхозы все более снижали ручной труд. И заслуга в этом — поколения Н. А. Покровского. Оно, испытывало неимоверные трудности в становлении страны. Однако, самое страшное им пришлось перенести в годы Великой Отечественной войны.

... У Н. А. Покровского есть рукопись так и не опубликованная. Она называется «От Воронежа до Праги». Далее несет подзаголовок «Записки офицера Действующей Армии».

Автор пишет: «Стоял солнечный день. Люди отдыхали, на сцене летнего театра шел спектакль. И вдруг прозвучало страшное и грозное слово: «Война»!.

Уже 26 июня команда связистов, в которой состоял и он, пешим порядком направилась к станции Шарья. Потом была Кущуба, где формировалась 100-я стрелковая дивизия. После

окончания курсов Николаю Александровичу присвоили звание младшего лейтенанта.

10 июля 1942 года дивизия погрузилась в эшелоны. Бойцы пели:

До свиданья, города и хаты!
Нас дорога дальняя зовет.
Молодые смелые ребята,
На заре выходим мы в поход.

С рассветом 2 августа перед взорами бойцов и командиров открылся древний город Воронеж. Шли жестокие бои за Чижовку, которая несколько раз переходила из рук в руки. Поэт Яков Шведов писал:

На миг, на минуточку вспомни, товарищ,
Как бой за Чижовку вели.
Мы шли в наступление при свете пожарищ —
То склады горели вдали.

В боях за освобождение Воронежа Николай Александрович командовал взводом связистов. Связь между подразделениями приходилось порой налаживать под свирепым огнем противника. Довелось ему, и не раз, выдвигаться вперед своих частей и корректировать огонь наших артиллеристов. Это требовало мужества и бесстрашения.

В составе сотой стрелковой дивизии Н. А. Покровский прошел большой боевой путь, освобождая Харьков, Львов, Перемышль, освобождая Польшу. И войну закончил в Чехословакии.

Капитан Н. А. Покровский был награжден двумя орденами Великой Отечественной войны, медалью за «За отвагу». Награжден чехословацкой медалью «За храбрость».

УЧАСТИК ПАРАДА ПОБЕДЫ

24 июня 1945 года на Красной площади проходил Парад Победы. В составе свободного полка Ленинградского фронта чеканил шаг и наш земляк — никольчанин. Это был Михаил Евгеньевич Шиловский.

В деревне Дор прошло детство. Как и все мальчишки его поры, помогал отцу по хозяйству. Пас овец, гонял в ночное лошадей. Учился пахать. Сенокосничал. В свободную минуту пропадал на речке. В тени ивовых кустов дремала тишина, в воде отражались облака. Под кувшинками что-то таинственно взблескивало, и тогда они чуть-чуть покачивались на едва приметной зыби.

Здесь хорошо удалилось и мечталось. А мечтать Миша любил. Первая мечта — стать учителем, а вторая — посмотреть свою Советскую страну, побывать во всех ее замечательных уголках. Поступил в педтехникум, который, однако, закончил экстерном, ибо увлекся журналистикой и поступил на работу в районную газету.

В 1939 году молодого парня призывают на действительную военную службу. Он попадает в Сибирь, а потом уже в Среднюю Азию. Его направляют в танковую полковую школу. А вскоре портрет молодого никольчанина за успехи в боевой и политической подготовке появляется на Доске почета.

А добиться этого было не так-то просто. Жарко, а надо бежать с полной выкладкой по пересеченной местности. Глаза заливаются потом, а надо метко бить по мишениям. Соль проступает на гимнастерке, а следует быть бодрым. Першият в горле от пыли, а тут голос ротного старшины: «Запевай!».

Великая Отечественная застала Михаила Евгеньевича там же, в Средней Азии. Полк, в котором он служил, срочно погрузили в эшелон и направили в Ленинград.

Каждому солдату никогда не забыть своего первого боя. Под Пушкино, около деревеньки Большое Лисино, принял М. Шиловский боевое «крещение».

Экипаж танка в составе взвода получил задачу захватить деревушку. Она была здорово укреплена фашистами. И едва только танки выскочили из леска, они попали под ураганный огонь. Снаряд прошел в нескольких сантиметрах от топливного бака, всыпал мотор. Командиру, старшему лейтенанту Артюшенко, оторвало руку. Ранен заряжающий, ранило в голень и Михаила Евгеньевича.

Отошли к церкви и вместе с пехотой отбивали атаки врага целые сутки.

Дали новую машину. Опытный механик-водитель Николай Бурляев всю ее облизнул, обстукнул, кое-что подремонтировал. И снова из боя в бой. До октября 1941-го везло. Подавили не одно пулеметное гнездо, несколько батарей и скосили немало фрицев.

А потом под Стрельней стряслась беда. После взрыва пришлось вылезать через верхний люк, в этот миг второе попадание. Очнулся Михаил Евгеньевич возле гусениц. После госпиталя — запасной полк. А затем он стал связистом, начальником радиостанции.

У М. Е. Шиловского на лацкане пиджака приколот значок «Ветерану Невской Дубровки». Пятачок был полностью перепахан минами и снарядами. Даже ночью передвигались с риском для жизни. Фашисты пытались во что бы то ни стало сбросить наших воинов в реку и тем самым ликвидировать плацдарм. Они по несколько раз в день поднимались в атаку, но усилия врага разбивались о твердость и мужество защитников Ленинграда. Это были люди, ставшие легендарными, и бок о бок с ними вместе сражался никольчанин Михаил Евгеньевич.

Труден солдатский путь. М. Е. Шиловский участвовал в боях под Нарвой, брал Выборг, освобождал Прибалтику, добывал Курляндскую группировку немцев. Его грудь украшают ордена Славы III степени и Красной Звезды, медали.

Утихли последние залпы. Снилось солдату все чаще родное село, речка Доровица, где мальчишкой ловил рыбу, поля, прижатые к лесам. Он с нетерпением ждал встречи с родиной, но только в конце ноября был уволен из рядов Советской Армии.

В мирное время Михаил Евгеньевич работал инструктором райкома партии, был сотрудником районной газеты и около 17 лет отдал библиотечному делу. Он сделал большой вклад в изучение истории края, опубликовал на эту тему немало статей.

ИМЕНИ НИКОЛАЯ ГАГАРИНА

В газете «Красный Север» от 13 июня 1975 года была опубликована заметка «Помощь красных следопытов», в которой говорилось о том, что пионерской дружине Ленинградской школы № 274 присвоено имя Николая Николаевича Гагарина, который во время Великой Отечественной войны командовал 261 отдельным пулометно-артиллерийским батальоном, состоявшим из добровольцев Куйбышевского района Ленинграда. Николай Николаевич погиб 13 февраля 1943 года в Красном Бору под Колпино. Совет ветеранов 261 ОПЛБ просил красных следопытов Никольской средней школы № 1 собрать необходимые сведения о жизни павшего героя. Просьба ветеранов была выполнена.

На основе встреч с родными и близкими Н. Н. Гагарина, и из переписки с его фронтовыми товарищами слагается образ мужественного командира, умелого воспитателя своих подчиненных, большого патриота своей страны.

* * *

Деревенька Мелентьево на речном угоре. На бровке берега еще сохранился лес, а несколько десятков лет тому назад он подступал почти к самым домам. В верхушках медноствольных сосен упруго и звонко гудел ветер, пахнущий горячей хвоей, луговыми травами и ключевой водой Юга.

...Николай Павлович был строг. Строг к себе и семье. Нет, он не был черствым, замкнутым. И любил он все вокруг, но знал время, когда можно позволить, вот так просто сесть на крылечко и полюбоваться цветущей черемухой.

В семье росло четверо детей — три брата и сестра. С малолетства привыкали помогать отцу с матерью. Пололи огород, носили воду. А повзрослев, ходили на сенокос и пашню. Уставали. Побаливали неокрепшие плечи.

* * *

Колей и Мишой владела страсть — рыбалка. Обычно снаряжались под вечер. За городом сворачивали с дороги и по узенькой тропинке пробирались к Доровскому котищу. Молодые ноги несли быстро. Над заводью медленно и спокойно поднималась луна. От нагретых за день ивняков пахло горьковатым теплом, словно краешком подгоревшего хлеба.

...Съедена уха, выпит чай. А огонек долго не гас на берегу. Мальчики лежали на свежескошенной траве. Спать почему-то не хотелось.

— Вот вырастем большими и обратно вернемся на Никольщину, — раздумчиво и уверенно говорил Николай. — Какие все-таки у нас места замечательные!

— Да, верно, — соглашался Миша. — А кем ты хочешь стать?

— Учителем.

* * *

Мечту свою Николай осуществил. Он успешно окончил школу II ступени и некоторое время преподавал. После службы в рядах Красной Армии вновь вернулся в Никольск. Был председателем сельского Совета, избирался народным судьей. Участвовал в войне с белофиннами, где показал себя отличным командром.

Но недолго длилась передышка. Вновь засверкала военная гроза. На страну надвинулись фашистские орды. Николай Николаевич уходит на фронт.

Тревожный 1941 год. Преодолев ожесточенное сопротивление наших войск в Прибалтике, немецко-фашистские войска вторглись в пределы Ленинградской области. 10 июля развернулось наступление противника на юго-западном и северном подступах к Ленинграду. Тысячи и тысячи ленинградцев встали на защиту родного города. Одни строили оборонительные пояса, другие непосредственно вливались в ряды Красной Армии. В короткий срок было сформировано несколько дивизий народного ополчения.

В эти суровые дни родился 261 отдельный пулеметно-артиллерийский батальон, состоявший почти исключительно из добровольцев Куйбышевского района Ленинграда. Первым его командиром был назначен Н. Н. Гагарин.

* * *

Из письма к жене бывшего политрука роты 261 ОПАБ Михаила Исааковича Добрусина: «...Мне хочется сказать тебе еще о наших командаирах. Н. Н. Гагарин и комиссар батальона П. М. Рябцев — прекрасные люди. В боевой обстановке любовь и доверие многое значит. Это залог того, что все подразделение едино и монолитно, это значит, что любое приказание будет выполняться решительно и смело».

Из приказа № 126 по 261 ОПАБ от 5 мая 1942 года: «261 ОПАБ сформировался в первые дни Великой Отечественной войны. Месяцы пребывания на передовой дали больше в боевой выучке личного состава, чем годы в мирных условиях. В батальоне сложились славные боевые традиции, на счету ряд славных боевых дел».

Да, бойцы уничтожили немало гитлеровцев, сожгли десятки танков и бронетранспортеров, подавили не одну артиллерийскую и минометную батарею фашистов.

О гагаринцах, защищавших Ленинград, не раз писала газета «За социалистическую Родину». Вот заметка, озаглавленная «Растут ряды истребителей», за подписью политрука Добрусина: «Еще совсем недавно гитлеровские вояки на нашем участке фронта свободно и безнаказанно расхаживали по своим траншеям. Из их землянок доносились музыка, песни. Но с тех пор, как в нашем подразделении развернулось истребительское движение, гансы сразу заскучали.

Почин в истреблении фашистов принадлежал лейтенанту Чупину, который только за 6 дней марта сразил 13 вражеских солдат. За ним открыли счет красноармейцы Верховцев, Пушкин и другие».

* * *

Обманчива фронтовая тишина. Уже темнело, когда вдруг ударили минометы и раздались орудийные залпы. Враг обрушился на позиции, занимаемые бойцами лейтенанта Чапаева. Комсомолец Ланко увидел перед собой группу фашистов численностью около взвода. Еще минута — и они ворвутся в блиндаж. Командир — комсомолец принял неравный бой. Выстрелом в упор уложил офицера. В этот момент из блиндажа выскочила дружинница Вера Богданова с пистолетом-пулеметом в руках. Она убила двух и ранила пять фашистов. Открыл огонь из винтовки красноармеец Васюков. Гитлеровцы бросились бежать.

Так геройски дрался батальон. И во всем примером для своих подчиненных служил Николай Николаевич. Он появлялся в самых трудных и опасных местах. Его выдержка и хладнокровие передавались другим. И в самые критические минуты его бойцы никогда не падали духом. Знали: рядом батальонный, на него можно положиться.

* * *

Николай Николаевич знал в лицо почти каждого своего солдата, знал, о чем он думает. В батальоне служил Николай Голубев. В часть на его имя однажды пришло письмо от дочери: «Здравствуй, дорогой папочка! 8 февраля умер наш Виктор, а 10 февраля скончалась мама. Папочка, крепись, береги себя. Я чувствую себя неважно».

Ознакомившись с этим письмом, Гагарин, несмотря на то, что в батальоне каждый человек был на счету, разрешил Голубеву съездить в Ленинград.

Ленинградцы помнят и свято чтят память командира 261 отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, родом из деревни Мелентьево Никольского района.

МИХАИЛ ШИЛОВСКИЙ

О МУЖЕСТВЕ, О ДОБЛЕСТИ
О СЛАВЕ ...

ПОКОЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

О мужестве, стойкости и героизме наших земляков — никольчан в годы Великой Отечественной войны много печаталось заметок, очерков и воспоминаний в районной и областных газетах и отдельных книгах. О Героях Советского Союза (а их в районе 5) говорится в сборнике «Золотые Звезды вологжан» (Архангельское С.-Западное книжное издательство, 1985, 359 с.).

Десятки ярких примеров фронтовой отваги никольчан приводились в предисловии к «Книге Памяти Вологодской области. Никольский район» (Вологда, 1993 г., 640 с.). Таких примеров, не повторяясь, можно привести сотни и тысячи.

Младший командир Яков Каравачев сражался на Ленинградском фронте. Храбро воевал и был награжден орденами Славы и Красной Звезды, направлен в Москву на офицерские курсы. Через три месяца лейтенант Каравачев в войсках маршала Рокоссовского на 1 Белорусском фронте. Бой на Одере, Кюстринский плацдарм, откуда началось наступление на Берлин. И вот настал звездный час лейтенанта Каравачева. Из окруженнего Берлина фашисты, как муравьи, прут на Запад — сдаваться в плен, только не Красной Армии, а нашим союзникам. Шпандау — западная окраина Берлина. Здесь наш полк занял весьма выгодную позицию, холм, окруженный рвом. Но в полку всего 114 активных штыков. На исходе боеприпасы... Так и запомнились и сняться порой эти дни и ночи 1, 2 и 3 мая 1945 года: ползут и ползут на тебя не муравьи, а бронированные черепахи. Хорошо еще, тогда безотказно работали две наши зенитные пушечки малого калибра, да пустили в ход трофейные фаустпатроны.

Вышли под вечер, когда все кончилось, а за рвом все поле усеяно трупами. Так отвоевывалось себе право на жизнь. На грудь Якова Павловича прибавился орден Красного Знамени.

В разгар войны, в январе 1943 года, девятнадцатилетнего паренька из деревни Аргуново, Николая Южакова, мобилизовали в армию. Паренек оказался смекалистым и расторопным, был зачислен в разведроту. Вскоре он освоил специальность минера, да так хорошо освоил, что молодому воину командование доверяло самые ответственные боевые дела.

Разминировать проход на переднем крае для прорыва наших танков! Старшим группы назначается сержант Южаков. Выручайте, ночь темная, выдержка, умение да ловкость рук! Выручили. Хотя все же это было наше минное поле, известные саперу мины.

А вот другой пример. Надо сохранить мост, заминированный немцами, не допустить его взрыва. Темна ночь, да по мосту не пройдешь — то и дело взлетают ракеты, как фонари. Спустился минер под мост на бикфордовом шнуре, нащупал ногой опору — доска прогибается, как на качелях. Нашел мину. Вот где нужна ловкость рук и смекалка, чтобы извлечь из мины капсюль-детонатор. Ошибиться нельзя, цена ошибки — собственная жизнь. Ни разу не ошибался разведчик — минер Николай Южаков. А сколько горячих эпизодов было в разведке, в траншеях и болотах переднего края! Однажды, в сорок четвертом году, их разведгруппа привела в штаб сразу 8 немецких пленных.

В послевоенных делах Николая Степановича Южакова столько славных дел, что впору писать повести и стихи. Скажем лишь кратко — в прошлом 1993 году в районной газете напечатали о нем очерк на целую газетную полосу под заголовком «Руки золотые».

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

«В годы Великой Отечественной войны Д. А. Дербин принимал активное участие в партизанском движении на Псковщине.

В 1941 — 1942 годах являлся комиссаром отряда, заместителем начальника политотдела Второй партизанской бригады, с 1942 по 1944 год — членом Порховского межрайонного центра и секретарем Порховского райкома партии».

Эти строки из газеты «Псковская правда» от 14 октября 1975 года. В те дни в Пскове друзья-ветераны с воинскими почестями провожали в последний путь своего товарища.

В музее города Никольска есть экспонаты, раскрывающие облик своего земляка.

Вещи, казалось бы, самые обыкновенные. Кирзовая полевая сумка, лишь по краям окаймленная узкими полосками кожи... Но в лихую военную пору она хранила в себе и планы комиссара отряда, и боевые приказы, донесения, военные дневники, и трофеиные документы...

Пробитый пулей кожаный кошелек, а рядом погнутый винтовочный патрон со сплюснутой пулей. Об этом сам Дмитрий Акиндинович рассказывал, когда в шестидесятых годах побывал на родине.

В ночь с 17 на 18 января 1942 года партизаны вели бой за овладение городом Холм Калининской бласти. Фашистская пуля попала мне в правый бок на уровне бедра, ударила по магазину самозарядной винтовки, который лежал в кармане, погнула его край, раздавила гильзу одного патрона, согнула металлическую дужку кошелька, сорвав ее с закрепок, и провалилась в валенок... Еще горяченьку достал».

А сколько было еще боев и до крайности критических ситуаций в партизанской жизни. А в минуты затишья вспоминались родные места.

...Деревенька Филлипово рядом от Никольска. В 1918 году Акиндин Дербин был избран председателем комитета деревенской бедноты. Два старших сына пошли на гражданскую войну и погибли за Советскую власть. Третий, сообразительный и шустрый Митя, окончил три класса земского училища, отец решил его «вывести в люди». Двенадцатилетний Дмитрий начал свои скитания: год был в услужении у волостного писаря, четыре года учеником у портного-кустаря в ближней деревне Марково.

Шить научился, да нет инструмента. Решил зарабатывать на швейную машину и снова пошел в наем по чужим дворам. Это были первые годы Советской власти. Машину он так и не купил, но много людей повидал.

Он идет добровольцем в Красную Армию. И здесь начинаются новые университеты Дмитрия Дербина — тот отрезок жизни, который окончательно подготовил его к труднейшей партизанской борьбе.

Война застала его в Порхове, где он работал заведующим парткабинетом райкома партии. Остался в тылу врага, когда 10 июля 1941 года Порхов захватили фашисты, и был назначен комиссаром Порховского партизанского отряда.

Начальный этап партизанского движения — труднейший. Прежде всего, это огромные трудности организационного периода в обеспечении вооружением, продовольствием, согласованность действий отрядов, установление связей. Это потом была и связь с Большой землей, и централизованное командование партизанскими силами, и все вытекающие отсюда преимущества. А до этого долгие — долгие месяцы основным оружием был энтузиазм и ненависть к врагу советских патриотов.

В том первом году войны многие наши бойцы выходили из вражеского окружения. Под личиной окружавших могли проникнуть в отряд вражеские лазутчики. Разберись, партизанский комиссар! Не ошибись, не оттолкни своего.

В своих воспоминаниях Дмитрий Акиндинович поведал один эпизод. С двумя партизанами он прошел через полицейские кордоны в деревню, где нашли временный приют наши красноармейцы, выходившие из окружения. Задача была выполнена. Люди с оружием в руках встали в строй партизан. Но для этого требовалась не только отвага, но еще и умение найти общий язык со многими людьми.

Очевидно, эти качества — умение убеждать людей и вести их за собой — и определили дальнейшую судьбу Д. А. Дербина. В ноябре 1942 года он был переведен на подпольную партийную работу — был назначен членом Порховского межрайонного партийного центра, а с мая 1943 года одновременно и секретарем Порховского подпольного райкома партии.

Материалов хватит на целую книгу, чтобы изложить те события: не будем ставить эту задачу в краткой статье. Нельзя обойти молчанием один факт. В тот ответственный период мощного развития партизанского движения Дмитрия Акиндиновича свалил страшный недуг — прогрессирующий туберкулез легких. Не было тогда эффективных средств лечения этой страшной болезни, а за линией фронта — и подавно.

Но не сдаются сильные духом. Борьбе с врагом он отдавал последние силы. Немецкие войска терпят поражение на Курской дуге и Дербин с товарищами спешит ознакомить население края с этим событием в специальной листовке. Дербин остался в строю.

С первого дня изгнания фашистов из Порхова — с 1 марта 1944 года — Д. А. Дербин работает вторым секретарем районного комитета партии, а затем в аппарате Псковского обкома. Надо было, не покладая рук, не считаясь со временем, работать, чтобы залечить раны войны в народном хозяйстве. Настоятельно требовалось лечиться. Коммунист Дербин каким-то чудом успевает еще и учиться.

Среди экспонатов, связанных с жизнью партизана-земляка, — партизанские газеты, фотографии, книги. Редактор партизанской газеты И. В. Виноградов написал две книги о том времени: «Дорога через фронт» (где рассказано, в частности, и о доставке продовольственного обоза осажденному Ленинграду из партизанского края) и «На берегах Шелони» — очерк о партизанском крае. Книга «Непокоренная земля Псковская» — сборник до-

кументов и материалов о партизанском движении в 1941 - 1944 гг. Об истории антифашистского движения на Псковщине и в прилегающих к ней районах рассказывает также книга «В строю бессмертных».

Во всех этих книгах упоминается имя Д. А. Дербина, помещены его фотографии.

Посылая в Никольск материалы для музея, Дмитрий Акиндинович писал:

«Хорошее дело — музей на общественных началах. Надо нашу молодежь воспитывать на героической истории прошлого, показывать, каких трудов и жертв стоило то, чем сегодня пользуемся. Эти соображения заставили меня дать вам материалы. Не для возвеличения себя — и вы в беседах не на это обращайте внимание. Борьбу вел народ. Меня партия послала на этот участок борьбы, и я был рядовым солдатом партии».

И ВЗРАСТИЛИ ЧЕТЫРЕХ СЫНОВЕЙ

Он воевал рядовым солдатом, заслоняя собой от врага Ленинград. Смерть витала на каждом шагу. В феврале сорок второго его нашли засыпанного землей и снегом от взрывной волны, тяжело раненного и контуженного. Откопали. Медики постарались — остался жив, но половину ступней у обеих ног пришлось амputировать.

После госпиталя в сорок третьем вернулся домой, в родную деревню Рамешки. На костылях...

Каково двадцатилетнему на костылях? Всяк поймет. А тут еще в деревенской школе учительница новая появилась. Тамара. Для него это была царица Тамара. Эх! Бросить бы костили, да «русского» вприсядку, как до войны на беседках. Сердце заливается, а где выход?

В Осиновском клубе кинофильм новый показывали Алексей Мересьев, летчик, на протезах научился ходить, даже плясать, и вновь летать стал на боевых машинах. И решил Александр Заузольцев, во что бы то ни стало научиться ходить без костей. Да так, чтобы и незаметно было, что с протезами. Твердо решил: не отступлю!

Трудно было. До слез обидно, когда не получалось, когда падал, пытаясь ходить на своих двоих. Это были невиданные миру слезы — горд был, не показал никому ни одной слезинки. Сотни раз, с зубным скрежетом, делал упражнения. И так день за днем, месяц за месяцем. Но своего добился: научился ходить с тросточкой (вроде бы для форсунки!), потом и ее забросил

Все, кто видел и знал это, по-достоинству оценили упорство Александра Заузольцева. Оценила и Тамара Арсентьевна, став его женой.

Вот, пожалуй, и все. То, что у писателя Б. Полевого о герое — летчике написано на сотнях страниц, уместилось в десятках строчек. Но дело сделано. Пусть люди знают, что и у нас есть свой Мересьев.

Можно бы на этом и точку поставить. Но нельзя. У Александра и Тамары Заузольцевых только начиналась жизнь. Перебрались они в город, в райцентр. И не обивал пороги в военкомате, да в отделе соцобеспечения наш инвалид, а сразу пошел работать с топором.

Ой, как нужны были рабочие плотницкие руки после войны в Никольске! Первые новые дома, новые квартиры... Ладно, привыкли руки к топорам, как в песне поется. А ноги! Ведь не в кабинете на стуле сидеть — штаны протирать. Бревно тесать — на ногах стоять надо, рубить, паз выбирать, каждое бревно не раз примерить, наверх поднять.

И еще скажу об одном, сокровенном. У Александра Ивановича и Тамары Арсентьевны выросли хорошие сыновья. Все они в люди вышли, толковые ребята, своими домами живут (и к тем домам отец руки приложил).

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

Одни только факты. К размышлению читателей.

Родился в 1922 году в Никольске. В 1939 году окончил Никольское педучилище. До апреля 1942 года работал учителем физики и математики в Н.-Кемской семилетней школе.

В 1942—1943 г. г. служил в Красной Армии. Сержант. Командир противотанкового орудия. Участвовал в Сталинградской битве. Демобилизован после тяжелого ранения.

В 1946—51 г. г. — студент Ленинградского электротехнического института.

В 1959 году защитил диссертацию на соискание степени кандидата технических наук.

В 1960 году присвоено звание старшего научного сотрудника.

В 1985 году присвоено звание профессора.

Еще несколько слов. Евгений Андреевич Корепин имеет около ста научных трудов и изобретений, он член многих научных советов и секций научно-технических обществ, награжден орденами и медалями за бой и за труд.

А началось все у нас, в Никольске. Жили они на улице Красной. В педучилище мы учились с Женей Корепиным на одном курсе, в одном классе. Отец был репрессирован (впоследствии посмертно реабилитирован), и семья жила бедно. Директор педучилища А. М. Гомзиков на педсовете поднял вопрос об оказании материальной помощи одному из лучших отличников учебы. И Жене Корепину купили на казенный счет серый костюм. Летом иногда были случайные копеечные заработки, — таскали на своих плечах дрова с реки, если удавалось их выловить в паводок. Женя был старший среди братьев и сестер.

В войну он тянул тяжелую солдатскую лямку и испытал все лишения ратной поры. А чего стоила учеба в институте в тяжелые послевоенные годы! Стипендия скучная. Помощи ждать не приходилось. Мать, Мария Федоровна, работала контролером в нашем кинотеатре. После лекций студент Корепин с товарищамишел на товарищескую станцию и подставлял свою спину, разгружая вагоны. Так и выучился.

А если бы еще этой светлой голове, да с самых ранних лет, с самой юности, предоставить бы благоприятные условия, чтобы эта голова не была занята думой о хлебе насущном...

В ТЕ ОГНЕННЫЕ ГОДЫ...

Гнев и возмущение всех трудящихся района вызвало нападение на нашу страну фашистской Германии. Свыше 4 тысяч трудящихся города и окрестных деревень собралось на митинг 22 июня 1941 года. С огромным вниманием они слушали выступление первого секретаря райкома партии Г. Ф. Леонидова. Как писала районная газета: «неслыханная подлость немецко-фашистских мерзавцев вызвала у всех чувство великой злобы и негодования. У каждого присутствующего вырывались из груди проклятия врагу и готовность немедленно выступить на защиту Родины с оружием в руках».

С первого дня войны в райком партии и в райвоенкомат стали поступать заявления с просьбой о срочном призыве в ряды Красной Армии и немедленной отправке на фронт.

В первых рядах добровольцев были коммунисты района. Вот заявление от 23 июня 1941 года от Сергея Васильевича Лукина, работавшего тогда председателем райкома профсоюза леса и сплава: «Прошу РК ВКП(б), — писал коммунист Лукин, — дать мне возможность пойти в ряды Красной Армии и вместе с ней раздавить гадов — фашистов». С. В. Лукин отдал свою жизнь в боях за Родину, как верный ее сын.

Сразу же подали заявления об отправке добровольцами на фронт секретарь парторганизации лесопункта Гусинная П. Я. Попов, слушатели межрайонной колхозной школы И. Ф. Сидоров, А. П. Большаков, колхозник Н. К. Баев из деревни Кумбисер, К. П. Шиловский из деревни Дор, Д.Д. Шевницын и многие другие.

На зов Родины живо отклинулся комсомол. Радистка редакции районной газеты Надя Кузнецова, лаборантка ветбаклаборатории Юлия Труднева, работница райуполмизага Нина Цыпышева и учительница Галина Петровна Шемякина в своем коллективном заявлении писали: «Убедительно просим зачислить нас в ряды добровольцев, идущих на фронт. Обучаемся в санитарной дружине и сумеем оказать первую помощь. Очень просим удовлетворить нашу просьбу как можно быстрее».

Агротехник Нижне-Кемского сельсовета Ульяна Николаевна Попова писала 8 июля 1941 года: «Второй раз прошу райвоенкомат учесть мое желание, как добровольца зачислить на передовую линию огня, на самые трудные участки. Прошу девушек нашего района последовать моему примеру, идти на фронт и отдать свои силы, а если потребуется, и жизнь. Как коммунист, не могу сидеть в тылу...».

30 июня состоялось собрание женщин города. Они дали слово заменить своих мужей, братьев, отцов, ставших на защиту Родины, и самоотверженно трудиться на любом участке трудового фронта. Надо сразу сказать, что свое слово они выполнили с честью. На женские плечи легли все тяготы непосильного физического труда в сельском хозяйстве и на лесозаготовках. И женщины героически несли эти тяготы, которые не кончились и после войны, ведь много мужчин не вернулось с войны, а работ после Дня Победы прибавилось.

В жестоких битвах Великой Отечественной войны наши земляки проявили мужество и героизм, доказали верность воинской присяге и свою горячую любовь к Отчизне. О героях Советского Союза — уроженцах Никольского района — опубликовано уже немало очерков и статей. Их подвиги весьма подробно описаны в сборнике Вологодского областного издательства «Вологжане — Герои Советского Союза».

Славный путь от Сталинграда до Праги прошел Герой Советского Союза Николай Алексеевич Пьянков из деревни Мокрецово. Сейчас он живет в Белгородской области.

В селе Таракановка на Украине стоит памятник воинам, которые пали смертью храбрых, но не пропустили врага. На памятнике высечены имена героев, а в их числе имя гвардейца — солдата Василия Михайловича Павлова, уроженца деревни Верхний Рыстюг Никольского района. Взвод лейтенанта Широнина, в котором воевал В. М. Павлов, погиб, но не сдался. Обвязавшись гранатами, широнинцы взрывались вместе с немецкими танками. Воля советских людей оказалась крепче брони. Враг не прошел.

Никогда не померкнет слава героев, не щадивших своей жизни в битвах за Родину. Никольчане с большим уважением относятся к своим землякам — активным участникам минувшей войны. Красные следопыты — пионеры записывают и бережно хранят рассказы о фронтовых годах своих отцов.

Начав войну рядовым солдатом, наш земляк Василий Петрович Кудринский стал в 1943 году командиром роты. Полк, в котором он служил, вел бои за овладение высотой между станциями Насва и Новосокольники. Рота автоматчиков под командованием В. П. Кудринского должна была взять деревню Шаловье и оседлать шоссейную дорогу, по которой немцы подвозили подкрепление к переднему краю.

Под покровом ночи бойцам удалось незаметно просочиться в тыл врага. А чуть начал брезжить рассвет, они стремительно обрушились на немцев. В жестоком бою враги потеряли убитыми около полсотни солдат и трех офицеров, и были выбиты из деревни. Рота захватила пять пулеметов, четыре миномета, две пушки, мины, патроны и другие трофеи.

Пытаясь вернуть деревню, немцы бросили в контратаку до батальона пехоты и два танка. Тогда Кудринский скомандовал подготовить к бою гранаты и развернуть отбитую у немцев пушку.

Пять раз ходили немцы в атаку, но взять рубеж, занятый нашими автоматчиками, им так и не удалось. Рота отбила все атаки и подожгла танки врага, удержав деревню до подхода наших сил. Василий Петрович был тяжело ранен, но не оставил поле боя. Правительство высоко оценило подвиг героя, наградив его за этот бой орденом Отечественной войны первой степени.

Никольчане хорошо знают Павла Александровича Лешукова, участника героической эпопеи по защите Сталинграда (ныне Волгограда).

Наша переправа через Волгу была все время под огнем, который корректировался немцами с наблюдательного пункта — четырехэтажного дома на правом берегу. Командующий 62 армией отдал приказ уничтожить этот наблюдательный пункт.

Для корректировки огня на первый берег были посланы командир артдивизиона капитан Ивако, начальник радиостанции старший сержант Лешуков и радист Исаев. Смельчаки спустили на воду лодку и пытались бесшумно перебраться на правый берег. Но прокочить незамеченным было невозможно. Река беспрерывно обстреливалась и освещалась ракетами. Воины вылезали из лодки, и часто с головой погружаясь в холодную октябрьскую воду, медленно толкали лодку с рацией.

К рассвету, к назначенному часу, корректировщики приблизились к цели и, укрывшись кой-как за водопроводной колонкой, немедленно вызвали огонь.

Но и немцы заметили наших корректировщиков, по ним ударили минометы. Капитан Ивко был тяжело ранен. Осколок мины угодил в левую ногу П. А. Лешукова. Превозмогая боль, он продолжал корректировать огонь самостоятельно, а рядовому Исаеву приказал перетащить в укрытие раненого командира дивизиона.

Более сотни снарядов легло на немецкий наблюдательный пункт. Это намного облегчило переправу наших подкреплений героям защитникам Сталинграда. П. А. Лешукову следующей ночью удалось возвратиться на левый берег и перевезти тяжело раненного командира. Товарищи поздравили его с блестящим выполнением боевого задания.

Многие наши земляки — никольчане дошли до Берлина и праздновали там День Победы. Среди них артиллерист-наводчик орудия, гвардии сержант Михаил Алексеевич Проскуряков. Истребительный противотанковый дивизион, в котором служил М. А. Проскуряков, вместе со стрелковой ротой в марте 1944 года форсировал реку Ингулец и занял плацдарм. Надо было во что бы то ни стало удержать этот пятачок, чтобы дать возможность переправиться сюда нашим частям и начать широкое наступление в направлении города Новый Буг и далее на запад.

Вскоре немецкая пехота при поддержке 15 танков пошла в контрнаступление. Шквальный огонь открыла вражеская артиллерия. На орудие, где наводчиком был гвардии сержант Проскуряков, двигались три немецких танка.

— До сих пор не могу забыть, — вспоминал Михаил Проскуряков, — как держал на прицеле первое из этих стальных чудовищ, надвигавшихся на нас. Не терпелось открыть огонь. Но командир орудия гвардии старший сержант Ахмедов приказал:

— Без моей команды не стрелять!

Танки высакивают на дистанцию прямой наводки.

— Огонь! — кричит Ахмедов, и в то же мгновенье раздается выстрел, взрыв, и вражеский танк вспыхивает. Второй выстрел, подбит еще один немецкий танк.

Шквальный артиллерийский огонь противника. Трои из орудийного расчета убиты. Михаил Алексеевич сам моментально зарядил орудие и снова прильнул к прицелу. Но где же третий танк? — Не выдержал, повернул вспять и скрылся за пригорком. Зато слева появился другой. Прицел. Выстрел, и наводчик Проскуряков сразил третий танк.

Так рота советских пехотинцев при поддержке артиллерийской батареи отбила контратаку в несколько раз превосходившего по численности противника, уничтожив 12 танков и много немецких солдат и офицеров. Переправившись, наша армия пошла в решительное наступление. Гвардии сержанту М. А. Проскурякову за отвагу в этих боях был вручен орден Славы I степени.

Большой боевой путь прошел от Волги до Праги Павел Михайлович Собакин из деревни Верхний Рыстюг — кавалер орденов Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды.

В апреле 1944 года в танковой атаке под Тернополем старший сержант Собакин подбил три немецких «тигра». Затем он на территории Польши, в охране переправы через Шпрею, ранения, госпитали, и вновь бои — так кратко выглядит его воинская биография.

В Никольских деревнях родились и выросли генералы Г. П. Лешуков и А. В. Кудринский.

Уроженец деревни Шалашибово Григорий Петрович Лешуков левиятнадцатилетним юношей принимал активное участие в переустройстве деревни в первые годы Советской власти. Затем он направляется в Москву на первые внешкольные курсы Наркомпроса, которыми руководила Н. К. Крупская.

Г. П. Лешуков в числе первых курсантов идет добровольцем на гражданскую войну. Секретарь полкового комитета РКП(б), военком полка, кавалерийской бригады, он участвовал в боях против Врангеля и Махно на Украине, против десанта Улагая на Кубани и банд басмачей в Туркестане. В 1935 году Г. П. Лешуков окончил Военно-воздушную академию и получил звание инженера-механика.

В Великой Отечественной войне он принимал участие в качестве заместителя командира авиационного корпуса, а после войны работал заместителем начальника и главным инженером Аэрофлота.

Во многом боевой путь одного из сверстников Лешукова сходен — генерал-майора Александра Васильевича Кудринского, уроженца деревни Пахомово Пермасского сельсовета. В годы гражданской войны Кудринский идет добровольцем в Красную Армию, учится в Москве на курсах красных командиров.

Отечественную войну генерал-майор Кудринский закончил начальником штаба армии.

* * *

Самоотверженный труд народа в годы войны на полях и фермах, в лесных делянках, как и фронтовые подвиги, навечно сохранит история.

В трудных условиях, когда было очень мало рабочих рук и техники, район давал стране лес, хлеб, молоко, мясо и другие продукты.

Вся тяжесть труда легла на плечи женщин. Жены заменили мужей, сестры — братьев, ставших солдатами. Они садились за руль тракторов, рубили и грузили сосновые бревна — тяжелые, как свинец. Женщины работали с утроенной энергией ради того, чтобы приблизить Победу. А тут гнетущие вести с фронта, извещения: «Пал смертью храбрых». И это надо было превозмочь.

В свой первый сезон уборки летом 1942 комсомолка Юлия Михайловна Караваева на комбайне «Северный» убрала хлеб с площади 117 гектаров. Все военные и послевоенные годы она не выпускала из рук штурвала, имя ее произносилось как пример для всей молодежи.

Перелистывая, пожелтевшие от времени страницы районной газеты «Никольский коммунар» первого военного года, мы читаем одну за другой заметки и очерки о трудовом напряжении и помощи населения фронту.

Колхозники Нигинского сельсовета к марту 1942 года сдали из своих запасов 471 центнер семян для колхозов, пострадавших от немецко-фашистских захватчиков.

К 7 ноября 1942 года трудящиеся района сдали в фонд обороны 451929 рублей и 564610 рублей облигациями государственных заемов.

С начала года никольчане собрали и послали воинам-героям свыше тысячи посылок. Наверно только те, кто был на фронте, знает настоящую цену этих посылок, любовно собранных, с письмами от чистого сердца.

* * *

1 января 1943 года все колхозники и колхозницы Вологодской области рапортовали правительству о том, что они собрали из своих личных средств на строительство танковой колонны Вологодский колхозник» 50 миллионов рублей. Из этого числа 2 миллиона 100 тысяч рублей было собрано колхозниками — никольчанами. Лесозаготовители района внесли 103000 рублей на танковую колонну «Вологодский лесоруб для второго Украинского фронта».

Районная газета 2 мая 1943 года опубликовала приветствие Государственного Комитета Обороны трудящимся Никольского района за их помощь фронту. В сообщении указывалось, что кроме средств на танковые колонны, район дал 2140 тысяч рублей на строительство авиасоединения «Героическому Ленинграду» и сдал в фонд Красной Армии 10000 пудов хлеба.

— С какой активностью проходили кампании по сбору средств на строительство танков и самолетов для Красной Армии, говорят многочисленные примеры. Колхозники Нижне-Кемского сельсовета в течение двух дней собрали 100000 рублей на строительство эскадрильи боевых самолетов и обратились с призывом ко всем трудящимся района последовать их примеру.

Семья тракториста Филиппа Ивановича Дурягина из колхоза «Октябрь» (дер. Займище) внесла на танковую колонну «Вологодский колхозник» 2800 рублей.

Крупнейший в области, Никольский район, давал ежегодно стране сотни тысяч пудов зерна.

В 1943 году район сдал только в зернопоставки 3106 тонн зерна, в 1944 — 3695 тонн, в 1945 году — 4231 тонну, не считая сдачи зерна в фонд обороны. В 1942 году колхозы района посеяли специально 342,3 гектара и обязались сдать весь урожай с этой площади в фонд обороны страны. Обязательство было выполнено.

К дню Красной Армии — к 23 февраля 1943 года — район рапортовал о сдаче в фонд обороны 184 тонн зерна.

За успешное выполнение плана хлебозаготовок 1944 года правительство наградило орденами Отечественной войны I степени первого секретаря райкома партии Г. Ф. Леонидова, председателя райисполкома Л. А. Подольского и уполномоченного С. Н. Слепухина.

Необходимо сказать о заслугах коммунистов — организаторов. Все лучшие передовые колхозы в районе в период войны возглавлялись коммунистами. В колхозе «Прожектор» (деревня Солот-

ново) председателем работал Ф. Н. Воронин, в Демине — Е. М. Залесов, «Партиец» (деревня Ильинское) — А. Д. Корепин, «Северный партизан» (деревня Кривяцкое) — Е. В. Баев.

Передовые колхозы сумели и в трудные годы войны не только не уронить, но значительно поднять артельное хозяйство. В колхозе «Красный птиловец», например, с 1941 года по 1945 поголовье различных видов скота увеличилось на 10 — 15 процентов. В 1944 году урожай пшеницы составил 14 центнеров с гектара. Пере выполнив план хлебозаготовок, колхоз выдал зерна по 1 килограмму 700 граммов на трудодень. Хозяйство И. П. Бушманова из 3 человек, к примеру, получило 107 пудов хлеба и более 2000 рублей деньгами.

НИКОЛАЙ ЖДАНОВ

А НА УТРО
НАСТУПИЛА ТИШИНА...

УЧАСТНИК ОБОРОНЫ СТАЛИНГРАДА

Весна 1941 года в Никольске была поздней и достаточно холодной, только в июне была завершена посадка овощей, в том числе и основного из них — картофеля. На воскресенье 22 июня был объявлен традиционный в те годы праздник — открытие городского сада — парка. К этому интереснейшему культурному мероприятию готовились загодя, тщательно, и проходило оно при участии практически всех горожан.

В 12 часов было объявлено по радио о вероломном нападении фашистской Германии на СССР, праздничное гуляние было закончено, а уже в 14 часов на двух сборных пунктах началась мобилизация — вступали в силу законы военного времени. На рыночной площади был организован сборный пункт для лошадей и автотранспорта (всего несколько единиц).

Семнадцатилетний Александр Кокшаров, работавший в при-нудбюро при НКВД секретарем, сразу же был направлен в распоряжение райвоенкома для оказания помощи в проведении мобилизации.

— В то время, — рассказывает Александр Васильевич, — лишь в городе на столбах были установлены громкоговорители, да в ряде домов имелись динамики. Сельская местность о радиовещании и понятия не имела. Мобилизация проводилась через нарочных-посыльных, которые где на лошади, если посчастливится, а зачастую пешком добирались до нужных деревень.

Надо отдать должное никольчанам: выдержка и дисциплинированность были характерны для мобилизованных.

Сформированные колонны пешком тут же отправлялись на Шарью или В-Устюг, а далее людей направляли в Вологду.

В феврале 1942 года настал черед идти на фронт и А. Кокшарову. Вместе с земляком Александром Пановым из Ирданова они попали в Ярославль, а через полмесяца бойцов перевели в Ивановскую область — в 20-ю воздушно-десантную дивизию, где они прошли трехмесячные срочные курсы. До войны программа обучения десантников была рассчитана на 3 года. В спешном порядке изучали материальную часть, оружие, особое внимание уделялось порядку сборки парашюта, правилам пользования им, прыжкам.

В один из летних дней дивизию подняли по тревоге и в срочном порядке перебросили на самолетах под Харьков. Увы, Харьков был уже оставлен Красной Армией и десантники теми же самолетами были доставлены обратно.

Немцы рвались к Волге, поэтому по приказу Ставки Верховного Главнокомандования личный состав 20-й десантной был реорганизован в 36 гвардейскую стрелковую дивизию и отправлен литерным на фронт. Эшелон шел очень быстро, практически были лишь частичные остановки, необходимые для замены паровоза.

27—26 июня весь личный состав подразделения прибыл на станцию Миллерово Ростовской области. После суточного отдыха дивизия была рассредоточена во втором эшелоне обороны в районе городов Красноармейск и Котельниково.

— Наши отступали к Волге, но дрались отчаянно, — вспоминает А. Кокшаров, — достаточно сказать, что стратегическая высотка, где расположилась деревня Ивановка, 8 раз переходила из рук в руки. В одном из боев за эту деревню меня легко ранило в левую руку. В госпиталь не пошел, и около 10 дней помогал новару готовить для солдат пищу. А дальше опять бои, причем самые ожесточенные, кровопролитные, длились до 22 июня, когда наши войска были вынуждены отойти вплотную к Сталинграду, находясь от него всего в 12 километрах.

Далее до начала августа на передовой установилась относительная передышка. Все усилия немцев были направлены на бомбардировку и обстрел самого города. В течение десяти с небольшим дней авиация противника выполняла ежедневно до 18—20 налетов, в каждом из которых участвовало по 50—70 самолетов. Практически весь город был разрушен.

В августе, превратив Сталинград в руины, немецкие войска предприняли мощные атаки на позиции наших войск с тем, чтобы овладеть городом и выйти к Волге.

— Весь август мы не выходили из боев, — продолжает вспоминать ветеран. — Доходило до того, что в ротах порой оставалось до десятка бойцов. Пополнялись мы регулярно, на смену раненым и убитым, буквально назавтра прибывала молодежь.

В одной из таких схваток в пригороде Сталинграда в районе Мельницы Александр Кокшаров был ранен в ногу, часа три ему не могли оказать даже первую помощь — шел трудный жестокий бой и каждый солдат был на счету. Затем в течение суток бойцы держали круговую оборону, ибо немцам удалось окружить их роту. Выстояли, пробились к своим.

Какое же мужество надо иметь, чтобы все это выдержать: и не прекращающиеся бомбардировки, и постоянное давление танковых армад, и мощные атаки пехоты противника. Но выстоял русский солдат, не пустил врага к Волге. Есть в этом и немалая заслуга нашего земляка — Александра Васильевича Кокшарова.

Вместе с группой раненых был перенесен на левый берег Волги и А. В. Кокшаров. С болью в сердце и со слезами на глазах прощались с городом, которому они уже ничем не могли помочь. Но что смогли — сделали!

Энгельс Саратовской области — Баку — Красноводск — Ташкент — Алма-Ата — Семипалатинск — таков маршрут движения направленных на излечение геронических защитников Сталинграда.

9 апреля 1943 года вернулся на родину Александр Кокшаров, и был направлен на доизлечение, попачалу передвигался с помощью костылей, затем заменил их на палочку.

Рабочих рук в тылу не хватало. По мере сил и возможностей решил помочь фронтовик своим землякам, устроился на работу в качестве счетовода на хлебоприемный пункт с. Кипшеньга.

В октябре 1944 года в очередной раз был призван Александр Васильевич в армию, но на сей раз не в действующую — не то здоровье, а в трудовую — в Кадуйский леспромхоз. С этой поры вся трудовая деятельность А. В. Кокшарова была связана с лесозаготовительной отраслью, большая часть которой приходится на Никольский леспромхоз.

Немного пришлось повоевать Александру Кокшарову, но на его долю выпали, пожалуй, самые суровые испытания. В полной мере это понимают лишь участники Сталинградской битвы. Этой точки зрения придерживаются, кстати, и многие историки, ведь именно после Сталинграда мощных наступлений немцев на Восточном фронте больше не предпринималось.

Украшают грудь ветерана две боевых и несколько юбилейных медалей, самая дорогая и ценная из них — медаль «За оборону Сталинграда».

А НА УТРО НАСТУПИЛА ТИШИНА...

Трудно писать о ветеранах войны, очень трудно. Ведь для того, чтобы достоверно отобразить какой-то боевой эпизод, нужно сопережить его вместе с твоим героям. А как это сделать, к примеру, мне, не нюхавшему пороху, не испытавшему всех ужасов бомбёжки или артобстрела, прорыва танков или пьяной психической атаки фашистов?

Воспоминания до боли тревожат ветеранов. Доходя в своем повествовании до самого критического момента конкретного боя, рассказчика охватывает волнение, дрожжат губы, появляются слезы. Да, немало довелось пережить каждому из них. Дай-то Бог, чтобы нашему и более поздним поколениям не пришлось испытать такого.

Л. Л. Симоненко, осуществляющий контакты райвоенкомата с коллективом редакции, в один из майских дней принес очередной список наших земляков, награжденных в годы Великой Отечественной войны, но по какой-либо причине не получивших за службу награды.

Под номером 7 значился Селяков Иван Сергеевич, 1923 года рождения, уроженец деревни Павлово Аргуновского сельсовета. А награда его ожидала самая дорогая для солдата — Орден Славы.

В нашей беседе с И. С. Селяковым, я, естественно, не мог обойти вниманием этот эпизод.

— Знали ли Вы, Иван Сергеевич, об этой награде?

— Да, знал, командир писал представление на награждение отличившихся в нашем подразделении за один из боев.

— Можно конкретно описать тот эпизод?

— Это было в Чехословакии, в марте 1945 года. Двигались на танках, на броне. Неожиданно с одного из хуторов ударили по нам из пулемета. Посметало солдат с брони. Были с нашей стороны убитые, раненые. Оставшиеся в живых мгновенно оценили обстановку, оцепили хутор, подавили пулеметное гнездо, взяли в плен 17 немцев во главе с офицером.

Внешне в рассказе все просто, буднично, как-будто в сарай за дровами сходить. Но сколько за этим эпизодом стоит — не счесть. Прошедшие горнило войны, наши гвардейцы действовали четко, грамотно, хладнокровно, — это подчеркнул Иван Сергеевич.

— И все же, ждал ли герой свою награду?

На этот вопрос ветеран ответил положительно. Понимал, что темпы наступления весной 1945 года были особенно велики, а в мае уж и война закончилась. Не дождала тогда награда Ивана Сергеевича, а мирный путь ее оказался ох как долг — 48 лет. Регулярно просматривал фронтовик все заметки, объединенные рубрикой «Награда нашла героя», и вот дождался своего часа. С чем мы его и поздравляем.

Помимо «Славы» награжден И. С. Селяков орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалью «За Победу над Германией» и редчайшей медалью «За освобождение Киева». Оказывается, есть и такая, я, признаюсь, об этом не знал. 14 благодарностей от И. В. Сталина — тоже говорят о многом.

С деревней Павлово связана вся его жизнь, исключая два предвоенных года, когда он трудился в Кемском леспромхозе на лесозаготовках по окончании Аргуновской семилетки, военное лихолетье и несколько послевоенных месяцев водительских курсов в Великом Устюге.

Мирная профессия послевоенного периода — шофер. Трудился на полуторке в колхозе, на ЗИС-5 в Вахневской МТС, на скольз в Аргунове, в Аргуновском сельпо, снова в колхозе.

Проводили ветерана на заслуженный отдых хорошо, до сих пор Иван Сергеевич вспоминает тот вечер, который был ему посвящен, дорог и подарок, врученный ему за трудовые заслуги.

Всю войну прошел фронтовик, сражался храбро, а в последствии, обретя определенные навыки — хладнокровно, расчетливо. Трижды был ранен Иван Сергеевич, подлечившись, тотчас же возвращался в строй. Вернулся с Отечественной, как многие специалисты считают, самой тяжелой, изнурительной войны, работал, растил двух сыновей.

Боевой путь И. С. Селякова связан в основном с сотой Львовской дивизией, которая формировалась под Вологдой в Кущубе. В начале служил в ней, а после ранения — в артиллерийском полку, который поддерживал Сотую, затем в конце войны их подразделения влились в состав этой дивизии.

Воронеж, Прохоровка, Киев, Житомир, Винница, Белая церковь, Ровно, Львов, Польша, Чехословакия, (брали Освенцим, за плечами Ивана Сергеевича три карпатских перевала). Под Воронежем получил солдат первое ранение.

Воспоминания, воспоминания.. Огненная дуга, танковая война, битва моторов — как только не характеризовалось сражение на Курской дуге, участником которой был и наш герой.

— Очень маленькая деревня, Прохоровка, всего 6—7 домов, но знаменитой стала на весь мир, — рассказывает Иван Сергеевич. Кстати, там два поля было, на которых прошли сражения. На одном из них и развернулись основные события, ставшие переломным этапом, после которого уже ни у кого не оставалось сомнений в победе Советского Союза над Германией. А после победы под Прохоровкой километров 30 преследовали наши воины немцев, не давая возможности им закрепиться. Очередной рубеж фашистов после мощной артиллерийской подготовки был вновь прорван и тут уж гнали красноармейцы захватчиков до самого Днепра — километров 200.

Касаясь непосредственно событий под Прохоровкой, Н. С. Селяков отметил, что в период с 5 по 12 июля 1943 года их, артиллеристов, перебрасывали с места на место по всему фронту, видимо, сообразуясь с обстановкой, чтобы поставить надежный заслон в одном из мест ожидаемого прорыва противника. У крайнего дома деревни расположились артиллеристы к утру 12 июля, в канун битвы века.

Болотистая местность неподалеку несомненно была учтена немцами при разработке ими сценария сражения. Вероятно, они надеялись, что советское командование сочтет это болото непроходимым и не поставит здесь надежного заслона. Когда противник понял, что основное танковое сражение ими уже проигрывается, немецкое командование направило резервные танки в обход, именно через эту болотистую местность, в тылы Советской Армии, с целью перехватить инициативу сражения. Вот здесь-то, на выходе из болота, их и встретили артиллеристы, в числе которых был и наш земляк. Стреляли прямой наводкой, в упор. Выстояли, не пропустили. Но огромные потери понесли и наши артиллеристы.

А на утро следующего дня, после того страшного боя, их батарея была передислоцирована непосредственно в Прохоровку.

— И такая тишина стояла вокруг, — вспоминает ветеран, — что даже не верилось, что сутки назад здесь стоял кромешный ад, что еще вчера танков с обеих сторон здесь было как сусаловов в поле в год хорошего урожая и танкисты, видя порою бесполезность стрельбы из пушек, бросали свои танки на таран. Сходились бронированные машины, как бойцы кулачного боя...

Храбро сражался наш земляк, славно трудился в послевоенную пору, не выпуская из рук водительской баранки. Отдадим ему должное, скажем Ивану Сергеевичу спасибо.

Никто не забыт и ничто не забыто. Группой ветеранов сотой Львовской дивизии составлена краткая справка о боевых действиях воинов (в которых участвовал и И. С. Селяков, и другие наши земляки) и их ратных подвигов, красочно оформлена схема боевого пути этой славной дивизии.

Отрадно, что не забывает и молодежь о подвигах наших отцов и дедов в годы Великой Отечественной. И в качестве примера хотелось бы привести выдержку из одного письма, адресованного Ивану Сергеевичу Селякову.

«Уважаемый Иван Сергеевич! С огромным приветом к вам курсант факультета военной журналистики Львовского высшего военно-политического училища Александр Жавненко. Попробую сразу Вам объяснить цель моего письма. Дело в том, что у нас (это у меня и моего друга, однокурсника, Андрея Барковского) родилась мысль написать материал в окружную газету «Слава Родины» об участниках освобождения Львова. Ваш адрес мы узнали в 31 школе, где есть музей боевой славы 100 дивизии, которая принимала участие в боях за город.

Иван Сергеевич! Мы узнали о Вашем героическом поступке, когда Вы, рискуя жизнью обеспечили связь. Расскажите, пожалуйста, поподробней об этом эпизоде. Ведь так немного об этом знают сегодняшние воины-прикарпатцы. Напишите нам, как это было, что Вы чувствовали в то время. Может быть Вам известны еще какие-нибудь интересные и героические поступки ваших однополчан в боях за Львов.

Об этом надо рассказать, даже не ради прославления, а для того, чтобы нынешнее молодое поколение знало, помнило, каких нечеловеческих усилий стоило вашему поколению обеспечить для нас мирную жизнь.

Иван Сергеевич, мы будем очень благодарны, если Вы пришлете еще и свою фотографию, где Вы — со всеми наградами. Это только украсит материал. Может быть Вам известны сведения о других ветеранах, которые воевали подо Львовом?

Уважаемый Иван Сергеевич! Нам хочется пожелать Вам, вашим родным и близким крепкого здоровья, успехов во всем.

До свидания. С нетерпением ждем от Вас писем.

А. Жавненко»

На этой мажорной ноте, я полагаю, и следует поставить точку в повествовании.

НА БРОНЕ ДО БЕРЛИНА

Память ветеранов Великой Отечественной войны хранит многое, несмотря на то, что уже прошло полвека с того памятного майского дня 1945 года, когда был подписан Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Срок большой, отдельные штрихи уже забылись, но основные вехи: боевой путь своего подразделения, номера частей, овобожденные города, форсированные реки отпечатались в памяти навечно.

Разложены на столе ордена, медали, памятные знаки, плотная стопка благодарностей И. В. Сталина за каждый освобожденный или взятый город, документы военного периода, скромная переписка с однополчанами...

Сергей Иванович Воронин, подполковник в отставке, показывая на военные реликвии, поясняет: «Это память о войне, но это одна сторона медали, а есть и другая — ухудшающееся год от года здоровье. Вроде бы Бог миловал: все на передовой, но ранен не был, правда, был контужен в 1945 году. Последствия контузии, первного перенапряжения в период военного лихолетья, постоянных вспышек от разрывов мин и снарядов в молодом здоровом организме в первые послевоенные десятилетия не скрывались. Теперь же ежегодно переношу по операции четыре операции на глазах и одна в связи с болезнью желудка. Физический труд категорически запрещен, нельзя даже наклоняться.»

Гордится Сергей Иванович тем, что всю войну прошел в составе одного подразделения, ни разу!!! не был в тылу в так называемом запасе или резерве и даже после контузии лечился в своем медсанбате всего неделю опять — «Вперед на запад».

В числе добровольцев в июле 1941 года С. И. Воронин был направлен на учебу в Борисовское военно-инженерное училище, которое было эвакуировано в Архангельск. Кстати, довелось ему в послевоенные годы послужить в Борисове, был он и в здании этого училища, учиться в котором довелось ему на севере нашей Родины. Но это было уже потом, после войны, в 1946 году.

В ноябре 1941 года ночью скрытно посадили выпускников — лейтенантов на буксир в Архангельске, переправили через Северную Двину на левый берег, откуда эшелоны на фронт — кого куда.

Путь Сергея Ивановича лежал через Стalingрад в Ростов-на-Дону. Далее — фронт. Первое время пришлось повоевать в пехоте. Подразделение отвели на Моздок, далее на Эльхотово, где впервые приложил свои инженерные знания, в составе 125

инженерного батальона лейтенант Воронин при строительстве укрепленного района — знаменитых «Эльхотовских ворот», шириной всего 7 километров, которые закрывали путь немцев на Кавказ. Горно-минно-инженерный батальон, к слову, в архивах Министерства обороны классификации таковой не было, здесь особый случай в составе которого воевал С. И. Воронин, не только занимался сугубо возведением инженерных сооружений, строительством мостов сборно-разборных трофеинных конструкций и высоководных мостов, но вел оборонительные бои, участвовал в рейдах по Кавказу, где порою, кроме как на ишаке, ни на чем и ни на ком другом не добраться было до намеченной цели.

Общее наступление на Кавказе, мощное по силе, подняло боевой дух защитников Отечества, гнали немцев красноармейцы без передыху до станции Тихорецкой.

Свою миссию батальон выполнил. Опять эшелон, снова через Сталинград на Москву на переформирование. Город-герой на Волге поразил защитников Кавказа: сплошные развалины. Вроде бы живого места нет, а все же выстояли — не пустили фашистов на Волгу. Знать, везде стоял насмерть русский солдат.

— Три весны встретил я в этом году, — вспоминает Сергей Иванович, — первая в предгорьях Кавказа, вторая — самая запомнившаяся — в Сталинграде, где из искореженной, перепаханной бомбами и снарядами, обильно поливанной кровью защитников Отечества земли выступила зелень, обрубки деревьев давали живительные ростки. Третья весна 1943 года пришла на Москву.

Конец апреля — май пролетели незаметно. 125-й инженерный батальон, приданый 2-му танковому корпусу в спешном порядке, погрузившись в эшелон, взял курс на ст. Уразово Курской области. А 3 июля начались бои, о которых помнят и будут помнить долгие годы, и не только историки.. А как воевали, можно добавить лишь один штрих. После так называемой «Курсской дуги» 2-й танковый корпус был переименован в 8-й гвардейский танковый корпус, стал он Краснознаменным. А герой нашего повествования, чья инженерная рота была придана 58-й танковой бригаде, получил за эти бои свою первую, самую дорогую награду — медаль «За отвагу».

— Особенно изнурительными были полторы недели, — вспоминает ветеран, — практически без сна: минирование, разминирование полей противника, переброски с места на место, в общем, в эти дни решалась судьба военной кампании 1943 года и потому было не до отдыха всем. Выдюжили, победили, погнали врага на Запад.

Лебедин, Прилуки (Полтавская обл.), Сумы — шел 8-й гвардейский в направлении на Киев. В Переяславль-Хмельницком форсировали Днепр, а дальше..., а дальше пришлось возвращаться на левый берег Днепра с тем, чтобы идти на Киев по иному маршруту, намеченному в штабе фронта.

7 ноября освободили Киев и без задержки двинулись на Житомир, лишь после освобождения которого гвардейцам 8-го танкового корпуса была предоставлена недельная передышка; и люди устали, и техника нуждалась в ремонте. А дальше Ковель, польские города Холм, Люблин и предместье Варшавы, так называемая Прага (не путать со столицей Чехословакии).

— Варшаву мы не освобождали, хотя были готовы к этому. Поступил приказ, и наши танки были повернуты на север — на Гданьск, потом была Восточная Пруссия, брали Кенигсберг.

— Наш корпус, — продолжает рассказ С. И. Воронин, — всегда был на острие атак, участвовал в прорывах. Естественно, несли потери как в технике, так и в людской силе. В связи с этим поддержка нам всегда была обеспечена, будь то материальная часть или людские резервы. Резервные танковые экипажи были всегда наготове, не было проблем с горючим, ходовыми, двигателями. Последние видел я однажды выгруженными на одной из станций в огромном количестве прямо под открытым небом. Ремонтировать было некогда, сразу же меняли на новые и опять «вперед, вперед, вперед!».

Кроме нас, саперов, танкистам были приданы и пехотинцы. При движении корпуса на броне каждого танка сидели по три сапера и три автоматчика. Это были как бы небольшие самостоятельные микро подразделения, где служебные обязанности тесно переплетались. Нередко, к примеру, приходилось непосредственно с марша вступать в бой. Вместе с автоматчиками спешивались и мы, и отсекали пехоту противника. Совместными усилиями отрывали и укрытие для своего Т-34, чтобы во время стоянок и ночлегов он был менее уязвим. На отдых так же вместе устраивались под танком, там было намного безопаснее. Естественно совместно несли и охранную службу.

Бывали случаи, когда один из экипажей во время боя прорывался в тыл противника, отрывался от своих и оказывался в расположении неприятеля, превращаясь тем самым в миникрепость с незначительным гарнизоном обороняющихся. Кстати, одному из командиров танка нашего подразделения Затунайченко за умелые действия в подобной ситуации, вкупе с былыми заслугами, было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Наша же основная задача была обеспечить беспрепятственное продвижение танков через минные поля противника, а также создавать минные заграждения при занятии обороны.

Войну закончил Сергей Иванович под Берлином. До 1953 года служил на территории СССР и в Германии, а затем в звании майора и должности начальника инженерной службы полка был уволен в запас.

Медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», ордена «Красной Звезды», «Отечественной войны» второй степени — военные награды С. И. Воронина. К ним в послевоенные годы добавились юбилейные медали и орден «Отечественной войны».

В 1953 году вернулся на родину фронтовик. Встретили хорошо. Райкомом КПСС был рекомендован на работу в Никольский леспромхоз, где и трудился он до самой пенсии.

50 лет прошло, а все еще нередко перед глазами вспышки от разрывов снарядов и мин, огненные трассы очередей.. По ночам все еще продолжают воевать ветераны.

ОШИБОК ОН НЕ ДОПУСКАЛ

Май 1944 года. Утопала в цветущих черемухах Беляевка, полным ходом шли весенне-полевые работы. В поле женщины, старушки, да подростки. Тягла мало, людей не хватает, а ведь надо уложиться с севом в сроки. Вставали рано и работали допоздна. Забывались в коротком сне, а чуть свет — опять в поле.

Ждали добрых вестей с фронта. Не думал — не гадал Саша Лешуков, что ему, семнадцатилетнему парнишке, в эти теплые, весенние деньки принесут повестку из райвоенкомата. Это была уже третья повестка в небольшой, из четырех человек, семье Лешуковых. Первым в 1941 году был мобилизован отец — Алексей Дениевич, в 1942 году, по исполнении 18 лет, настал черед идти на фронт и старшему брату Василию.

Не ожидала и мать, что придется провожать на войну младшенького, ведь Красная Армия стремительно гнала в 1944-м немцев со своей территории, освобождая от гнёта фашистов и братьев — славян. Надеялась мать на скорое окончание войны, и что придется ее Сашеньке служить в мирное послевоенное время.

И вот — повестка. Сборы были не долги. Вместе со сверстниками стоит перед комиссией и Саша Лешуков — щупленький, невысокий парнишко, ростиком 1 м. 49 см.

С тревогой и жалостью глядит на строй мальчишек военком.

— Хочешь служить-то? — спрашивает он Сашу.

Что можно ответить на этот вопрос? — Ведь служба в Красной Армии — это священный долг, святая, почетная обязанность.

Четверо суток добиралась до станции Шарьи команда призывников пешим строем, на лошадях везли питание. Первое испытание новобранцы выдержали с честью. Надеялись отдохнуть на пересыльном пункте, но, увы, не удалось.

— Набралось нашего брата столько, что даже присесть негде было, — вспоминает А. А. Лешуков, — кроме нас прибыли ребята из Вохмы, Пыжуга, Павина.

А далее была Вологда, затем Выборг. Здесь в учебном саперном батальоне познал азы нелегкого рискованного военного дела Александр. Изучал мины свои и неприятеля, учился наводить переправы, строить доты и дзоты, правильно рвать траншеи.

Смышленым оказался парнишка, но и осторожным, ошибок, которые саперу не прощаются, не совершил, разминирование проводил аккуратно, осторожно, со знанием дела, как это требовали инструкции.

— Страх, конечно, был, он присущ всем, особенно он проявлялся, когда подрывался кто-то из наших товарищей. А таких случаев было немало: кому-то руки повредит, кому-то пальцы обрежет; нередко единственная ошибка приводила к смерти, — отвечает на вопрос ветеран. — Но все же постепенно попривыкли и порою на разминирование ходили, как на обычную работу. Страшнее всего бомбёжки. Кажется, никуда не спрячешься от пикирующего бомбардировщика, рад бы в землю глубже зарыться, чтобы не слышать воя самолета и свиста падающей бомбы. И ведь кажется, что падает она прямо на тебя..

Досаждали и «кукушки» на Карельском перешейке — метко стреляли снайперы с деревьев, но Бог меня миловал.

Ни единой царапины на фронте не получил Александр, а ведь пришлось смотреть в лицо и немцев и японцев, стрелять по ним. Стычки у саперов с противником были постоянные.

— Убитых сколько?

— Не, знаю не считал, но есть. Попадал — это точно, видел как падали после моих выстрелов, может, ранеными, может, и убитыми.

Карельский перешеек, Прибалтика, затем Манчжурия. Сколько перелопачено земли, сколько ее истыкано щупом в поисках мин, сколько сооружений построено — не счесть.

День Победы над Германией встретил Александр с однополчанами в Кирове, в воинском эшелоне по пути на Дальний Восток. А окончилась вторая мировая для него в Маньчжурии.

Дольше всех пришлось служить родившимся в 1927 году, лишь в начале 60-х возвратились они к родным очагам.

Александр Лешуков уже сержантом в 1946 году прибыл с Дальнего Востока в Ленинградский военный округ. Получил назначение в пограничные войска. Специальную маневренную группу, составленную из фронтовиков, перебрасывали в самые горячие точки, причем не только на границе с Финляндией. Участвовали они и при задержании банд «лесных братьев» в Прибалтике, выезжали на границу с Турцией. Практически те же боевые действия. По сути дела, война для Александра все еще не кончилась.

В 1948 году в одном из боев, при задержании нарушителя, Александр был ранен. Хотели комиссовать — не согласился, признали сначала годным к нестроевой, а далее снова прибыл в свое подразделение, опять бросали туда, где трудно.

Лишь в мае 1951 года закончились боевые будни А. А. Лешукова. Военком Никольского района предлагал пройти медицинскую комиссию для оформления инвалидности.

— Мне это как-то неудобным показалось. Считаться инвалидом в 24 года не хотелось. Встал на учет как строевой. Принял решение сходить на курсы трактористов в Приводино по направлению леспромхоза, — вспоминает ветеран.

А далее до самой пенсии лесовывозка, корчевка, строительство дорог, сначала в Гусиной, затем в Козловском лесопункте, а по его закрытию — в Никольском. Полевая сумка с немудреными съестными припасами — верная спутница Александра Алексеевича все эти годы, ведь столовых в тайге не было и нет. Неоднократно, как и в армии, перебрасывался в «горячие» леспромхозовские точки. Его бульдозеры работали в Кеме и Куданге, в Дунилове и Высокой, Югском и Зеленцове. Да и по выходу на пенсию упросили А. Лешукова еще два года поработать. Лучше его бульдозериста в леспромхозе тогда не было.

И к боевым наградам и сталинским благодарностям ветерана добавился орден Трудовой славы III степени и многочисленные грамоты, благодарности, памятные подарки.

Скромный, безотказный, готовый людям отдать все последнее — так отзываются работавшие с ним бок о бок лесозаготовители.

ГВАРДИЙ КАПИТАН

А. П. Вытегорова в Никольске знают все: и стар и млад. По-военному подтянутый, с командирской выпрямкой и четкой ходкой боевого офицера проходит он по улицам нашего городка. Только седина да морщины на лице говорят о возрасте. А ведь скоро 50 лет, как отгремели последние залпы войны.

— Пожалуй, молодым еще не удаст, — невольно подумалось мне при нашей встрече.

...Карта Берлина марта 1945 года, многочисленные вырезки из фронтовых и дивизионных газет, очерки послевоенных лет, автобиография ветерана, характеристики, наградные листы, личные листки по учету кадров разложены на редакторском столе. Только что завершилась длительная беседа с гвардии капитаном в отставке, комбатом Великой Отечественной войны Алексеем Поликарповичем Вытегоровым.

— Да, его судьба вполне на повесть потянет, — невольно подумалось, — но не все еще рассказал мне боевой офицер, далеко не все. Может, подход я к нему надлежащий не нашел, может, не хочет бередить старые раны? А ведь рассказать-то ему есть что, это я сразу почувствовал. Почти всю войну, с января 1942 года до победного мая 1945 года прошел он, и практически все время на передовой...

* * *

— Последний бой — он трудный самый. Может быть, и так, но и первый нелегкий, особенно, когда только-только что с училища, только-только с колес эшелона, не успев по-настоящему познакомиться даже с командирами, не только с солдатами, когда впервые не нюхавшему пороху лейтенанту дали роту уже воевавших пехотинцев...

Как быстро летит время... Казалось бы, совсем недавно в декабре 1940 года призвали на действительную службу Алексея. Служил он секретарем политотдела Вологодского областного военкомата. А уже в июне 1941 года началась самая жестокая в истории человечества война.

Большие потери понесла Красная Армия в первые минуты Великой Отечественной войны. И хотя мобилизация шла полным ходом, забирая самых крепких мужиков от станков и комбайнов, нехватка защитников Родины ощущалась значительно, особенно сержантского и младшего офицерского состава, т. е. тех, кто непосредственно управлял боем. Неслучайно грамотных дисциплинированных комсомольцев, чья биография не была запятнана, особенно

но из тех, кто служил действительную, направляли в военные училища на ускоренные курсы подготовки командного состава.

Шесть месяцев учебы в Лепельском военно-пехотном училище, что было эвакуировано в г. Череповец, пролетели для Алексея незаметно. Осваивал азы военной науки, молодой курсант прилежно и основательно, поэтому неслучайно он сразу же с присвоением первого офицерского звания был рекомендован на роту, сокурсники его приняли стрелковые взвода.

1 января 1942 года отбыл новоиспеченный офицер на Волховский фронт. Не успел надлежаще оформиться — сразу же в бой — в первый в своей жизни бой на станции Грузино, что недалеку от города Чудова. Первый бой оказался успешным, станцию заняли. И хотя позднее превосходящими силами противник отбил ее, молодой командир поверил в себя, в свою роту.

А 13 марта — первое ранение (всего шесть и одна контузия. Причем три ранения приходится на первый год его участия в войне — 1942-й).

В мае по излечению направлен А. П. Вытегоров на Северо-Западный фронт под Старую Руссу, тоже на командование ротой. В июне по ранению выбыл из строя командир батальона — должность комбата принял Алексей Поликарпович, знать была в нем командирская жилка, замеченная полковым и дивизионным командованием.

Умение вести бой определяется личными качествами командира. Во-первых, нужно знать обстановку, предугадывать замысел противника, знать рассредоточение сил врага, суметь распределить свои силы так, чтобы навязывать противнику свои действия, свою инициативу. Обстановка на поле боя меняется ежеминутно, командир должен твердо держать все нити управления боем в своих руках.

Вот что писала дивизионная газета «Красный гвардеец» от 1 июня 1943 года.

—.. Жарков, Вытегоров — командиры, в огне войны освоившие трудную науку побеждать. Их подразделения успешно действовали на поле боя. А сейчас изо дня в день совершают свою командирскую выучку, готовятся к решающим сражениям. Сегодня член военного совета вручил героям высокие награды — ордена Красного Знамени..

— Бой в траншеях — один из наиболее сложных видов рукопашного боя, а примером умелой организации его явились действия батальона, где командиром тов. Вытегоров, — писалось в передовице ежедневной газеты Северо-Западного фронта «За Родину».

— Сложность этого боя, — вспоминает А. П. Вытегоров, — состояла в том, что большое количество траншей и ходов сообщения создает «лабиринт» путей, в которых легко заблудиться впервые попавшим в эти траншеи бойцам. Поэтому офицер, организующий подобный бой, тщательно и заблаговременно должен разведать во всех деталях систему вражеских траншей на участке действия своего подразделения, обратив особое внимание на место нахождения землянок офицеров и связистов противника, чтобы с начального момента боя обрушиться на них, лишив связь, тем самым дезорганизовав оборону немцев.

И это не голая теория. В одном из боев специальная группа бойцов под командованием старшего сержанта Петрова разрушила эти землянки, и фашистские солдаты остались без упавления. Первые цепи наступавших, забросав траншеи гранатами, перепрыгнули через нее, и не задерживаясь, продолжали выполнять поставленную перед ними задачу. Часть бойцов следовала ходами сообщения в глубь обороны противника. Следующие цепи пехоты занимались расчисткой траншей и уничтожением оставшихся в траншеях немцев.

Так командовал батальоном Вытегоров.

Под стать комбату и его ординарец — гвардии ефрейтор Василий Поломошнов. Хладнокровный, любит и умеет метко стрелять из винтовки — в прошлом таежный охотник. Задача его — наблюдать за полем боя. И эту задачу он выполнял четко, помогая комбату руководить боем, следя за перемещением противника, нередко и сам участвуя в боевых действиях.

... Немцы готовились к контратаке. Они перебегали по канаве, накапливаясь в лощине. Василий, наблюдавший с дерева, убил головного солдата. Двое других, бежавших сзади, взвалили убитого на плечи и понесли в тыл. Ефрейтор застрелил и этих двух. Несколько других немцев вновь хотели прорваться в лощину. Василий, открыв быстрый и меткий огонь, сразил пятерых солдат. А в общем итоге в этом бою снайпер уничтожил 12 солдат противника, сорвав контратаку и выиграв время, необходимое гвардейцам для подготовки к последующему бою.

— Быстрота и внезапность, — говорил А. В. Суворов, — заменяют число. Ночной бой, неожиданный для противника, вносит панику, сумятицу в его ряды. Успешно решали поставленные для ночного боя задачи гвардейцы А. П. Вытегорова. Но чтобы четко владеть приемами этого боя, нужно много и кропотливо учиться. И опять же, помня слова великого полководца, комбат Вытегоров тщательно готовил своих бойцов к ночному бою.

— Ночь — нам верный союзник. Так говорят. К этому нужно добавить, что ночь — лучший союзник только умелого, храброго бойца. Для того, чтобы успешно громить противника ночью, надо научиться в темноте действовать бесшумно, внезапно, — писала газета «На разгром врага» от 3 сентября 1943 года.

В длительных и тяжелых учениях каждый солдат постигал свой маневр, учился вброд переходить реку, бесшумно ползать, стремительно атаковать, хорошо ориентироваться в ночное время. И гвардейцы комбата Вытегорова, не жалея своего погибели в учениях, тем самым сберегли свою кровь в бою.

Еще один эпизод, описанный в газете 23-й гвардейской дивизии «Красная гвардия» от 2 июля 1943 года.

— В одном из боев подразделение Вытегорова нанесло немцам большой урон в живой силе и технике, истребив до 350 солдат и офицеров противника. Во взаимодействии с другими подразделениями разбито до 15 пулеметов, сожжен склад боеприпасов, разрушены 4 блиндажа, подавлены 3 артиллерийские батареи...

И далее.

— Для того, чтобы так воевать, нужно постоянно совершенствовать свое военное мастерство. Упорно и настойчиво учатся военному искусству бойцы подразделения Вытегрова. Здесь проводятся тактические занятия в масштабе отделения и взвода, отрабатываются действия одиночного бойца. Боевая учеба здесь сочетается с высокой боевой активностью. Немцам это подразделение не дает покоя...

Славный боевой путь прошел гвардии капитан А. П. Вытегоров. Он со своим подразделением участвовал в освобождении городов Чудово, Дно, Демянск, Холм, Великие Луки, Сокольники Псков, Остров, Старая Русса, Тарту, Рига, Варшава, форсировал реки Ловать, Висла, Одер, Шпрее, участвовал в ликвидации окруженных Демянской и Шнайдемюльской группировок немецко-фашистских войск, добивал врага в его логове — Берлине.

— В Берлин мы ворвались с северо-востока, ведя бои, очищая проспекты и улицы, дома и парки, укрытия и подвалы, от врага, углубляясь к центру столицы третьего рейха, — вспоминает фронтовик. — Очень трудные, кровопролитные то были бои.

День Победы — 9 мая — его самый любимый праздник. Ежегодно в любую погоду, при всех своих наградах, (орден Боевого Красного Знамени — за бои под Старой Руссой, Красной Звезды

— за освобождение Прибалтики, Орден Отечественной войны I степени и 18 медалей), украшающих грудь боевого командира, расправив плечи, четким шагом идет в этот день ветеран к райвоенкомату, на митинг, посвященный очередной дате окончания Великой Отечественной войны.

— ..День Победы, порохом пропах, — гремит репродуктор, вызывая слезы на глазах ветеранов, ветеранов второй мировой.

* * *

..Карта Берлина, вырезки из газет, наградные листы, личный листок по учету кадров на моем столе. И все же многое не доказано..

Надеюсь, что поведает Алексей Поликарпович о всех перипетиях войны любимому внуку,нуку, которому он обещал подарить карту Берлина, самую дорогую свою реликвию. И тогда внук поведает нам о боевых подвигах своего деда. Будем ждать.

МЕДАЛЬ ЗА БОЙ, МЕДАЛЬ ЗА ТРУД

Война.. Свист пуль, разрывы снарядов, душераздирающие бомбёжки — обычно такою нам представляется картина при упоминании этого грозного слова.

Но, образно говоря, передовая — это лишь вершина айсберга (войинского подразделения), большая часть которого находится под водой, в данном конкретном случае это огромное тыловое хозяйство, будь то армии, дивизии, или полка.

Много в литературе о войне писалось о яростных атаках, воздушных и морских боях, героических разведчиках, реже о подбитых танках, искореженных орудиях, об обычных солдатских буднях и практически ни слова о тех, кто непосредственно в боях не участвовал, но в неменьшей мере способствовал приближению Дня Победы. Мы искали подвиги на передовой, не замечая, что порою эти подвиги, успех лихих атак во многом зависят и от воинов, так называемых тыловых подразделений.

Константин Егорович Марков был призван на срочную службу в Красную Армию в 1940 году. Службу проходил в пушечно-артиллерийском полку. Сметливый, еще с детства пристрастившийся к технике паренек, с юных лет привыкший трудиться в поте лица, легко вписался в коллектив, привился ему и строгий армейский порядок. И быть бы ему неплохим артиллеристом, да вот не-задача — резко сдал слух. В 1941 году красноармеец Марков был комиссован по состоянию здоровья.

Начавшаяся в июне война, поглотив первые после объявленной мобилизации пополнения, требовала солдат все больше и больше. Причем, в большей мере нужны были специалисты, ибо, вставшая на военные рельсы страна, значительно увеличила выпуск танков, самолетов, орудий.

Константин Егорович уже в это время имел наивысший разряд слесаря.

— Золотые руки у парня, — говорили земляки.

Нужен был Костя в тылу, но нойна есть война, там он в лихую годину был еще нужнее. Пройдя очередную комиссию в мае 1942 года, Константин был мобилизован и отправлен на оружейный ремонтный завод, где в течение месяца перенимал опыт работы по ремонту стрелкового оружия, артиллерии, танков, специализируясь на восстановлении оптических приборов. Мастер — оптик — так необычно звучала его новая военная специальность.

1942 год, Воронеж, действующая армия, армейские артиллерийские ремонтные мастерские — точка отсчета боевого пути К. Е. Маркова, завершившегося в мае 1945 г. под Прагой. Известие о капитуляции фашистской Германии застало солдат — ремонтников в небольшом чешском городке Кутна Гора.

Нелегко приходилось ремонтникам: походные условия, работа под открытым небом, в стужу и зимой. Нередко приходилось восстанавливать технику и в условиях передовой, где заставали их порою атаки противника. И тогда приходилось откладывать в сторону слесарный инструмент и брать в руки оружие. Не один бой выдержали технари, неслучайно поэтому Константин Егорович в 1944 году был награжден медалью «За боевые заслуги».

— Много орудий прошло через наши руки, — вспоминает ветеран-фронтовик, — не успеешь восстановить одно, поступает другое, а то и несколько сразу. Непрерывный конвейер вплоть до самой демобилизации. Едва закончится бой, а мы уже возле выведенной из строя техники, отбуксировываем и приступаем к восстановлению. Старались как можно быстрее, не считаясь со временем, ввести ее в действие. Фронт требовал: больше и быстрее.

В ноябре 1945 года, восстановив и приведя в порядок всю материальную часть подразделения, основной контингент демобилизовался. Вернулся на родину и Константин Егорович, связав свою дальнейшую судьбу с Никольским леспромхозом. К боевой награде К. Е. Маркова добавилась и трудовая — медаль «За трудовое отличие».

ИВАН ПАРФЕНОВ

СУДЬБА КОМАНДИРА

РЯДОВОЙ ФРОНТА И ТЫЛА

Отгремели бои, зажили солдатские раны, заросли порослью могилы воинов и поля былых сражений, многое стерлось из солдатской памяти (прошло более 50 лет), трудно вспоминается прошлое. А Василию Ивановичу Горбунову особенно трудно, так как в те далекие годы осколок немецкого снаряда ранил в голову и одновременно его контузило. Только в госпитале пришел в сознание. Ранение и сегодня дает о себе знать головными болями головокружением, высоким давлением. Конечно же повлияло оно и на память. Поэтому его воспоминания скупы и сухи. Но все же...

Родился Василий Иванович 7 февраля 1922 года в д. Каменное Вахневского сельсовета. Детей в семье было семеро, Василий был вторым. Трудно было отцу кормить такую семью, нужен был помощник. Удалось Василию окончить только 3 класса начальной школы. С малых лет пришлось приучаться к труду. Например, при бороновании мал был и слаб целый день ходить за лошадью, его садили верхом, держался за дугу. Чтобы работу подростки делали качественно, во главе их ставился взрослый человек. С 14—15 лет стал Василий приучаться ходить за плугом. Когда стал до-призывником, направили на заготовку леса, а в выходные дни работники военкомата проводили с ними строевые занятия. Целый день приходилось бегать, ползать, окапываться, учиться штыковому бою и т. д. А на следующий день — снова в лес.

В армию призвали 5 июня 1942 года. Окола месяца в Вологде обучали военному делу. Потом молодых бойцов по несколько человек влили в роты дивизий, которые перебрасывались на Западный фронт. В августе 1942 года Василия Ивановича направили на Воронежский фронт. Севернее Воронежа при переправе через Дон он получил первое боевое крещение. Для переправы через реку было оборудовано несколько плотов, изготовленных из прибрежных строений. Через реку были натянуты канаты, с помощью которых плоты и переправлялись. Кругом была голая степь, редко встречались кустарники и небольшие овраги, где и сосредотачивались войска для переправы. Переправляться пришлось днем. Немецкая «рама» обнаружила переправу и сюда были брошены бомбардировщики и истребители. Кто не был под таким огнем, то ему трудно представить, что это такое, да еще если лю-

и на плоту; вой падающих бомб и взрывы, фонтаны воды, смыкающие людей с плота, пикирующие истребители.. и крики боли и ужаса. Хотелось зарыться в землю, чтобы не видеть и не слышать этого ужаса. Сколько погибло людей — трудно сказать, но потери были очень большие.

Своим ходом пролинулись на передовые рубежи. Сразу же пришлось окапываться, строить траншеи, т. к. противник вел интенсивный артиллерийский и минометный огонь, а укрыться было негде. Уже на 2 день Василию Ивановичу пришлось идти в наступление. Чтобы сблизиться с противником надо было преодолеть лощину, а далее местность шла на подъем. Ночью по противнику нанесли удар «Катюши», а атака поддерживалась только ротами минометами. Во время атаки его ранило в голову осколком, одновременно контузило взрывом снаряда. Очнулся только в госпитальной палатке. Лечили более двух месяцев в Тамбове, а потом в Свердловске.

После излечения направили в запасной полк под Москву, а в декабре 1942 года — в 112 бригаду под Калугу автоматчиком. Во время оборонительных боев (около месяца) был ранен в локтевой сустав пулей.

После госпиталя комиссия признала годным к нестроевой службе, т. к. рука полностью не сгибалась. С декабря 1943 года до конца войны был в зенитном полку. На железнодорожной платформе был установлен крупнокалиберный пулемет и зенитное орудие. Этот вагон прицепляли к составам, направляющимся на фронт и обратно, чтобы обеспечивать безопасность эшелона от воздушных налетов. С этим вагоном и продвигался все дальше и дальше на Запад: Белоруссия, Прибалтика, Восточная Пруссия. Закончил войну под Кенигсбергом. Награжден медалью за взятие этого города.

Демобилизовался в октябре 1945 года. Вернулся в родную деревню. Хотя рука действовала плохо, но надо было как-то зарабатывать на свою жизнь и помочь родителям. Поступил на курсы трактористов и работал на ХТЗ в Вахневской МТС.

Потом уехал учиться на курсы шоферов в Вытегру, где и остался работать шофером.

В 1952 году приехал в Нижнюю Кему и стал работать шофером на ЗИС - 150 в Кемской МТС, возил горючее. Через год перешел в Кемский леспромхоз, работал на рейсовых грузовых машинах, бензовозе... Дороги были ужасными, и машины часто ломались: ремонт, поездка, снова ремонт... Рейсы продолжались по 2-3 дня. Иногда (особенно осенью) в пути от Никольска до Кемы

ночевали прямо в лесу: застревали в грязи, застигала ночь и располагались у костра. Так случалось часто. Но нужно было жить и работать. С переездом Кемского леспромхоза на Борок перешел работать туда, а семья долгое время оставалась в селе Никольском, т. к. не было жилья. Два года возил лес в Нюненъге. Работал на пожарной машине лесопункта. В последние годы — слесарем, т. к. давали знать раны, болела рука.

На пенсию вышел в 1982 году.

Так рядовой на фронте и в лесу делал свое «маленькое» дело, которое составляло часть общих боевых и трудовых успехов, обеспечивало решение общих задач движения вперед нашего государства.

СУДЬБА КОМАНДИРА

Алексей Яковлевич Жеребцов родился 20 марта 1925 года в деревне Красная Нижнекемского сельсовета. Детство оказалось отнюдь небезоблачным, хотя и был он единственным ребенком в семье. Алексей рано лишился матери, а потом случилось несчастье с отцом, он стал инвалидом. Надо было брать на свои хрупкие плечи большую долю домашнего и колхозного труда. Бросил и школу, окончив всего лишь 6 классов. В 1941 году пришлось ему уже ходить за плугом, хотя силенки было маловато, разворачивался за счет лошади.

В зимний сезон 1942 года направили на лесозаготовки в Костяжский лесопункт.

В декабре 1942 года, когда Алексею не исполнилось и 18 лет, его призвали в Советскую Армию. До Шары шли пешком. В Чепцовце с января 1943 года по август учился в полковой школе, где получил звание сержанта.

20 августа 1943 года привезли на фронт под Старую Руссу Новгородской области, назначили командиром взвода. Шапочно познакомился с бойцами, так как уже 22 августа был получен приказ освободить город Старая Русса. За два дня немного присмотрелся к местности, изучил оборону противника. Выводы были самыми неутешительными: противник закрепился на высотах, построил две-три линии обороны, все это прикрыто мощным пулеметным артиллерийским огнем. А его бойцы сосредоточены в сырой низине, где невозможно даже выкопать окоп в полный рост. Полку были приданы несколько 45-мм орудий. Тяжелые танки, которые должны были вести атаку взводу без должного прикрытия. Мужественный рывок взвода, захвачена траншея

первой линии обороны противника. Вот здесь-то, в траншее, и был ранен в руку осколком гранаты молодой командир взвода. На дальнейший рывок у взвода не хватило сил, так как в живых осталось меньше половины бойцов. Пришлось отходить.

Алексей Яковлевич был вывезен в госпиталь на реку Ловать на фанерный завод. В госпитале лечился три месяца.

За бой под Старой Руссой был награжден медалью «За отвагу».

После выздоровления вернулся в свою часть, которая стояла там же. Здесь находился в обороне еще 3 месяца.

В начале 1943 года пешим ходом (шли около недели) их подразделение было переброшено под Красный Холм Калининской области. Город уже несколько раз переходил из рук в руки, немцы упрямо отбивали его. В городе ценным оставалось одно двухэтажное здание тюрьмы. Перед взводом Алексея Яковлевича на высоте господствовал вражеский дзот, не взяв которого нечего было рассчитывать на прорыв к городу. Противник кинжалным огнем простреливал всю нейтральную полосу. Перед взводом была поставлена задача: овладеть дзотом и обеспечить прорыв к городу. Под прикрытием залпа «катюш» взвод преодолел метров 30 нейтралки, а потом пришлось двигаться перебежками, прикрываясь огнем своих пулеметов и винтовок. Когда до дзота оставалось метров 10-15, Алексей Яковлевич приподнялся для броска гранаты в амбразуру дзота, бросил ее, и одновременно был ранен в голеностопный сустав. Бойцы уже без командира овладели дзотом, вошли в город.

За эту операцию Алексей Яковлевич был награжден Орденом Красной Звезды.

В первом случае он оказался ранен, пробыв на фронте около двух дней, во втором случае — в первой же атаке. Такова судьба младших командиров, т. к. они поднимали бойцов в атаку и первыми принимали на себя огонь противника. А огневая поддержка наступления была мизерной. Оставалось предположить, что эти бои носили отвлекающий характер.

Алексей Яковлевич выражает большую признательность работникам тыла, которые хорошо обеспечивали бойцов шубами, валенками, шинелями, теплым бельем, сытой едой. А вот вооружены красноармейцы были еще плохо: всего лишь винтовки, да гранаты (я уже писал о плохой огневой поддержке и совсем отсутствовало воздушное прикрытие).

По выздоровлении начал учиться в Кемеровской школе офицерского состава, но комиссией был признан негодным к строевой службе и отправлен в автополк на станцию «Правда» Московской области. Здесь изучали технику и готовили механиков для механизированных артиллерийских частей. Проучился 22 месяца. Ему присвоили звание старшины технической службы. Здесь же был оставлен служить в этом звании. Где и находился с 1945 по 1950 годы.

Весной 1950 года демобилизовался. Армия дала Алексею Яковлевичу хорошую специальность: механик по автомобилям и тракторам. Кема как-будто ждала его, т. к. в 1950 году организовалась Кемская МТС. Его назначили автомехаником. МТС получила 12 новеньких ХТЗ 2 «натика», позднее два С-80 и Т-54. Были и газогенераторные трактора. Его задача: автопарком (2 бензовоза, три ГАЗ-51 и ЗИС-150) обеспечивать горючим, смазочными, запчастями и т. д. Горючее приходилось возить с К-Городка, Устюга, Шары. Машины в один путь шли по 2-3 суток. Дороги были такими, что можно было пробиваться только колонной, а часто и в сопровождение трактора.

После ликвидации МТС в 1958 году перешел А. Я. Жеребцов в Кемский леспромхоз сначала механиком по кадрам, а с 1959 года механиком Коныловского лесопункта.

В 1969 году переведен старшим механиком Кемского лесопункта, где и работал до выхода на пенсию в 1985 году.

Так в бою и труде рос, набирался сил и обеспечивал победу младший командир. Без таких, как он, не было бы победы в Великой Отечественной войне, в трудовых свершениях нашего народа.

СОЛДАТСКОЕ СЧАСТЬЕ

Солнечным осенним днем я навестил Федора Степановича Панова, чтобы освежить в памяти далекие военные годы, пройтись по боевым страницам, почтить подвиг живых и мертвых. На мой вопрос: «Как здоровье, Федор Степанович?»--- он ответил: «Только что месяц отлежал в больнице». Да и что удивляться, если и сегодня в ноге сидит десяток осколков, да пара в голове. Болят не только старые раны, но и забывают и болезни. Больше двух часов длился наш разговор, и запросил пощады мой собеседник, сказывается возраст, скоро исполнится 74 года, а боевой и трудовой стаж составляет 46 лет, не считая его трудовую деятельность до 1940 года.

Родился Федор Степанович в феврале 1921 года в селе Никольском. В семье было шестеро детей. Федор был старший, помощник отца, опора семьи. Окончил 4 класса начальной школы. С детских лет трудился в своем хозяйстве, а потом в колхозе: боронил, возил навоз, косил, пахал, стоговал, рубил лес... и винимо, неплохо, так как за добросовестный труд, по итогам года, председатель колхоза «Кема» М. А. Шемякин премировал Федора брюками и ботинками (только двоих во всем колхозе).

Перед армией год работал сапожником в артели. В сентябре 1940 года был призван в Красную Армию. Служил в городе Балашове Саратовской области на обслуживании самолетов, которые были приданы авиашколе. Здесь ему пришлось столкнуться с деятельностью вражеской агентуры. В ночь, накануне войны, самолеты (более десятка) были поставлены в ангар, а все бойцы охраны отправились на концерт московских артистов. Пока шел концерт, ангар сгорел, а поджигатель удрал на боевом самолете. Им оказался начальник училища.

Враг подступал к Москве. Федор и его друзья не могли спокойно «сидеть» в тылу. Они четырежды подавали рапорт командованию, чтобы направили на фронт. Просьба была удовлетворена и трое друзей командированы в Саратовскую школу младших командиров.

Обстановка на фронте все более осложнялась и через 15 дней учебы их перебрасывают в 1142 стрелковый полк на реке Хопер. Здесь в запасном полку Федору присвоили звание старший сержант и назначили помощником командира взвода, а друзей — командирами отделения. Такое назначение было связано с тем, что Федор и его товарищи уже год служили в армии, а полк формировался из вновь мобилизованных бойцов. В течение месяца учились овладевать 45 мм. минометами.

В конце октября 1941 года бойцам выдали новое обмундирование, боевое оружие и повезли под Москву в Тульском направлении. Полк принял участие в дакабрьском контрнаступлении под Москвой. С тяжелыми боями, с большими потерями (к концу декабря во взводе осталось 10 бойцов) полк продвигался вперед. Враг, отступая, сжигал все на своем пути. Вместо деревень стояли одни печные трубы, обгорелые деревья, а все вокруг было усеяно трупами людей. Первые три дня Федор Степанович не мог есть...

— 15 декабря разрывом снаряда он был контужен, но поле боя не оставил, с бойцами общался письменно. 20 декабря вражеской миной был ранен в ногу и голову. Отполз метров на 50 к сараю, попросил бойцов перенести миномет и продолжал

вести огонь. Только через 12 часов, истекающий кровью, без сознания, Федор был вынесен с поля боя. На бедре была 32 сантиметровая рана, в которую осколки загнали обрывки шинели, ватных брюк... Рана гноилась, а нога распухла. Из Тулы его вывезли в Москву, а затем в Душанбе.

За эти бои командование намеревалось его представить к ордену «Красной Звезды», а он попросил медаль «За отвагу». Почему-то она казалась ему престижнее.

После выздоровления его направили в 368 запасной полк в Самарканде, а оттуда в 17 моторизированную бригаду первым номером к пулемету. Федор Степанович утерял свои командирские документы и далее служил в чине рядового. В апреле 1942 года бригада была переброшена на Сталинградское направление. Пришло вести тяжелые бои. Например, за станцию Зимовники Ростовской области полк более 6 дней до 12 раз в день ходил в атаку, но безуспешно. В этом бою Федор снова был ранен в ту же ногу. Пуля задела кость голени и прошла через стопу (он лежал за пулеметом). Оставив пулемет второму номеру, подобрав винтовку убитого бойца, поковылял в тыл.

В Красноармейске погрузили в вагоны и повезли в Кузнецк. Дорогой не раз налетали немецкие самолеты, но раненый в ногу Федор вынужден был ждать своей участии в вагоне, ходить он не мог. А однажды он уступил место у чугунной печки в вагоне другому бойцу, чтобы тому погреться, и улегся на пол. И почти сразу же тот боец был убит осколком в шею, ранено еще 3 человека. Солдатское счастье спасло Федора.

С января по апрель 1943 г находился в госпитале г. Кузнецка. Да какой это был госпиталь: школьное здание, деревянные нары, а вместо постелей солома. Раненые от безделья играли в карты на деньги. Федор, по молодости, решил попытать счастье и проиграл все деньги. А на другой день начальник госпиталя предложил написать рапорт тем, кто желал долечиваться дома. Федор решил попроситься домой. Ему выдали на дорогу 2 буханки хлеба, около 1,5 колбасы, валенки, шинель. Иди солдат. Опираясь на подобранную доску, поковылял до вокзала. Конечная станция Шарьи. До Никольска добирался 17 дней: от деревни до деревни голодный, чуть живой но все же упорно шел домой. Около Пышуга чуть не расстался с жизнью — потерял сознание и кто-то милостливый подобрал фронтовика и доставил к медикам. Там 6 дней восстанавливал силы и опять не без помощи добрых людей: механик местного колхоза отдавал ему свою порцию больничного беда. Посоветовали сходить в райвоенкомат, где дали карточку на 2 буханки хлеба. Когда хлеб свесили, то, оказывается, надо пла-

тить деньги, а их нет. Готов был отказаться от хлеба, но положение спасла незнакомая женщина, которая предложила оплатить за хлеб. Ей отдал за это полбуханки. Оба оказались очень довольны. И опять в путь. Снова обессилен так, что в Кожаеве вынужден был отдать валенки за котелок вареной картошки, а до Никольска добирался в лаптях. Картошку сразу же съел. Просить у населения стеснялся, да и видел, что едят люди: хлеб из клевера и липы, из горсти картошку, и язык не поворачивался отбирать последнее. В Никольске родственники дали разбитые ботинки и солдатские обмотки. До дому постарался добраться вечером, чтобы никто не видел его разбитую обувь. Да и вид его был не бравого солдата.

Дом сразу же заполнили солдатки со слезами и улыбками, с вопросами: «Как там? Не видел ли моего? Надолго ли отпустили?...» Федор был рад встрече, но с другой стороны, волновался, а в чем я завтра выйду в деревню? Едва избавились от солдаток, уселся шить сапоги, т. к. вся его обувь оказалась изношенной. За ночь сшил сапоги, почистился и мог представать перед подружками в приличном виде. Есть в семье было нечего и опять выручил председатель колхоза, который помнил доброго пахаря, выписав пуд пшеницы, а в сельсовете дали хлебные карточки.

За месяц Федора неоднократно проверяла медицинская комиссия, чтобы снова отправить на фронт. И снова пешком до Шары. Направили под Тихвин в запасной полк авиационного обслуживания, где заряжали пулеметные ленты подвозили бомбы, обслуживали самолеты. Полк продвигался на Запад: Тихвин, Гатчина, Прибалтийские земли и Кенигсберг. Здесь полк и закончил войну. Награжден медалью «За взятие Кенигсберга». Цемобилизовался 20 мая 1946 года.

Солдатскими трофеями оказались рисунки голов лося и лосихи, выполненные масляными красками на полотне, которые он взял на даче Пауллюса под Кенигсбергом (так говорили солдаты). Эта память и сегодня хранится в семье Федора Степановича.

Начался мирный труд 7 лет работал заведующим обозом и завхозом Кемского леспромхоза. Объем работы был большой: все склады леспромхоза, до 60 лошадей основного обоза. Забот хватало.

Далее 25 лет работал шофером. Начинал возить лет еще на газогенераторной машине. Вез первые кубометры леса из нового лесопункта Копыловского, водил первый автобус в Кеме, а завершил трудвой путь на легковой машине. Много лет пришлось

водить рейсовую машину в Устюг, Шарьи, Вологду. А кемские дороги всегда были сущим адом. Но Федор Степанович говорил молодым ребятам, «Идите работать водителями каждый день новые впечатления». Будучи на пенсии 2 года работал кочегаром: мол, просят никто не идет.

Доволен Федор Степанович своим солдатским счастьем: остался жив, сохранил руки и ноги (предлагали ногу в Туле ампутировать, но не согласился); ни разу за солдатскую службу не пришлось отступать, а только шел вперед; что сегодня люди идут к нему с просьбами отремонтировать обувь, дать взаймы денег... Солдатское сердце отзывчиво на чужую боль: надо помочь!

Очень ждет Федор Степанович последнюю благодарность от государства: машину. Будь здоров солдат на долгие годы!

Сдано в набор 31.10.94. Подписано в печать 21.11.94.
Бумага газетная. Тираж 2000. Заказ 673

Кичменгско-Городецкая типография